

ГЛАВА XXII.

ТЪНЬ РОССИИ.

58.

«Делегация Грузинской республики» подвизалась въ Парижѣ, въ видѣ организованнаго установленія, начиная съ марта 1919 г. по конецъ 1920 г. Она являлась главнымъ представительствомъ Грузіи за-границею и занималась, сверхъ политическихъ вопросовъ, также нѣкоторыми дѣлами экономического характера, выполняла фактически консульскія обязанности, довольно много работала въ области пропаганды и информирования — была, словомъ, однимъ изъ тѣхъ «иррегулярныхъ» національно политическихъ учреждений, которыя назойливыми ліанами обвивали древо конференции, и изъ которыхъ одни были вполнѣ эфемерны, другіе увянули медленно, а третьи превратились въ регулярные органы дипломатического представительства.

Я, однако, вовсе не собираюсь излагать, даже вкратцѣ, исторіи грузинской делегации въ Парижѣ. Остановлюсь лишь на наиболѣе важныхъ шагахъ ея, предпринимавшихся соотвѣтственно колебаніямъ и измѣненіямъ въ международно-политической обстановкѣ этого времени.

Обстановка эта для всего Кавказа въ 1919-1920 г. г. опредѣлялась преимущественно, если и не исключительно, русскимъ вопросомъ*), т. е., во-первыхъ, положеніемъ, шансами и возможнымъ исходомъ гражданской войны въ Россіи, и, во-вторыхъ, политикою великихъ державъ въ этомъ вопросѣ.

*) Не странно развѣ, что русскій національный вопросъ, для Владиміра Соловьева вопросъ о достойномъ существованіи, сдѣлался, послѣ революціи, вопросомъ о существованіи? Но это временно.

Что касается самой Грузіи, то внутренняя ея устойчивость дѣлалась постепенно, для всѣхъ очевидной. Въ мартѣ 1919 г. временный парламентъ уступилъ мѣсто Учредительному Собранію. Начали возстановливаться хозяйственныя связи съ Европою. При всѣхъ многочисленныхъ недочетахъ и ошибкахъ жилось въ Грузіи, повидимому, сносно.

Въ виду твердости режима независимости въ самой странѣ, формальная задача парижской делегации заключалась очевидно въ подготовкѣ международного ея признанія.

Фактически же, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ насъ, кто продумывалъ будущность независимой Грузіи критически, съ точки зрѣнія всей совокупности международныхъ условій, — вопросъ сводился (какъ и лѣтомъ 1918 г.!) не къ одному лишь формальному признанію независимости Грузіи державами Европы, но еще болѣе къ согласованію этой независимости съ дѣйствующими факторами международной политики, къ ея обезпеченію, упроченію путемъ такого согласованія.

Въ этомъ отношеніи кое-что уже дѣлалось, было сдѣлано не только въ Лондонѣ, но и въ Парижѣ. Методы-же работы были испробованы и примѣнены еще раньше — въ Берлинѣ.

Парижская делегация 1919 г. по необходимости продолжала дѣятельность, этапами которой являлись: Батумъ — Поти — Берлинъ — Лондонъ. И не случайно было, что председатель делегации, окруженный въ Константинополѣ выдающимися специалистами и имѣвший много времени въ своемъ распоряженіи, не удосужился, однако, подготовить для парижской конференции хотя-бы краткую формулировку требованій и запросовъ Грузіи. Не случайно задача эта была возложена на меня: этимъ именно и обезпечивалась необходимая преемственность работы.*)

Съ другой стороны, прибывшіе въ Парижъ выдающіеся представители грузинской социаль-демократіи, Чхеидзе и Церетели, не могли, конечно, не внести своихъ личныхъ, точнѣе, партійныхъ нотъ въ работу. Это и обнаружилось, преимущественно за предѣлами того, что дѣлалось и должно было дѣлаться для прямой нашей задачи — отстаиванія независимости Грузіи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было расхождение между тѣмъ, что официально заявлялось (западнымъ

*) Я былъ единственный членъ делегации, «продѣлавшій» всѣ указанные «этапы». Подъ формулировкой запросовъ Грузіи я разумѣю здѣсь представленный парижской конференціи 14 марта 1919 г. основной нашъ меморандумъ. См. стр. 194.

правительствам), устно и письменно, — и тем, что высказывалось на те же темы в среде социалистических организаций. Большой беды в этих противоречиях могло и не быть — все это было довольно микроскопично «в европейском масштабе». Но в этой двойственности обнаруживался, конечно, органический порок, не предвещавший Грузии добра.

Началось это с первых же дней работы вновь приехавших наших «чемпионов». В естественной рывости своих начальных движений они сразу же несколько вышли из проложенной для них же колеи. В получивших огласку заявлениях сделанных ими французским социалистам, говорилось, например, что в Грузии парламент и Учредительное Собрание находятся под контролем Совета рабочих депутатов, и что вся сила — в последнем. Высказано было также положение, что Грузия есть республика «социалистическая»; что она вернется в лоно России — в случае если там восторжествует доктрина меньшевизма (sic); но что с другой стороны, «мы воспротивимся иностранному вмешательству в дела России» и т. д.*)

Все это было, конечно, превосходные мысли. В частности, идея комбинирования «парламента» с «советом» могла бы послужить при случае защитным щитом — но в совершенно другом месте. Только не в Париже, в дни конференции, и не в устах официальных депутатов. «Мы воспротивимся» — давало материал для здорового юмора, но относилось в сущности к сферам взаимоотношений Европы и России и к гражданской войне в России — а, согласно официальной доктрине грузинского правительства, Грузия в этом отношении введь держалась нейтралитета.

Касаюсь вкратце этого эпизода, главным образом чтобы показать как с самого начала партийная позиция грузинского правительства обрекала его представителей на маневры и выступления, стоявшие в противоречии не только с прямыми интересами этого правительства и Грузии, но и с его официальными шагами. Мы еще встретимся с примбрами этого раздвоения, которое вовсе в данных условиях не означало работы для одной цели разными путями, но скорбее являлась источником недоразумений и разочарований и на одном пути, и на другом.

*) См. Le Journal du Peuple, 13 марта 1919 г.; La France Libre, 13 марта; ср. Petit Parisien, 8 марта того же года.

Главным предметом нашей работы в 1919 г. была, в порядке отвлеченном, защита независимости Грузии (и других кавказских республик) в виду предпринятого *возстановления единой России*, служившего знаменем Деникина, Колчака и всех боровшихся с ними против Москвы, при полном сочувствии, по разным мотивам и с разными отсылками, главнейших кабинетов Европы и правительства С. А. С. Штатов. В порядке же практическом, надлежало помочь тифлисскому правительству в его стараниях оградить Грузию от возможного «нечаянного» вторжения русских войск.

59.

Официальное учение *советской власти* относительно так наз. инородческих окраин сводилось, в сущности, к доктрине свободного самоопределения народов (вплоть до отделения от России), представляющей некоторую аналогию с известным учением идеолога южных штатов, эпохи войны Севера с Югом, Кальгуна о свободе американских штатов выходить из состава федерации.

Взгляд *белых русских* нашел выражение в декларации,*) с которой *русская политическая конференция* в Париже выступила как раз в эпоху принкипского проекта т. е. в январе 1919 года. Здесь очень определенно заявлялось, что новая Россия *добровольно* вернула Польшу ее национальную территорию, но затем, баста! она не может допустить дальнейших нарушений государственного единства. «Политическое положение национальностей в рамках государства (т. е. единого русского государства) будет зависеть от степени их культуры и от их исторических традиций», объяснялось в этом документе; однако не указывалось, кто собственно будет судьей культурности («А судьи кто?»), и о каких исторических традициях здесь говорится (германорыцарский строй в балтийских землях? гетманщина? царство Грузинское?). Несомненно было лишь, что даже Финляндия не признается независимой. О других фактически образовавшихся в пределах бывшей Империи государствах не упоминается. — Такие документы не могли не облегчать борьбы окраин за свое *государственное* бытие.

Каково же было отношение к вопросу европейских пра-

*) Обозначение «белые» удобно по краткости. Текст декларации в Temps, 30. I. 1919.

вительство? Въ бесѣдахъ французовъ, англичанъ постоянно выдвигался вопросъ о федеративной связи вновь образовавшихся окраинныхъ государствъ съ Россіей, какъ рѣшеніе среднее между полнымъ отдѣленіемъ и возстановленіемъ единого т. е. *одного* всероссійскаго государства.

Тутъ было нѣсколько теченій. Новая республика, фактомъ своего существованія, постепенно сами дѣлались однимъ изъ слагаемыхъ, все же далеко не нулевого значенія; онѣ могли рассчитывать на нѣкоторыя симпатіи и нѣкоторую поддержку; возникали или могли возникнуть и немаловажныя новыя *экономическія* связи съ отдѣльными великими державами; наряду и съ возможной заинтересованностью *политической*.

Однако, существовали по каждому пункту и сомнѣнія, контръ-доводы; значеніе для Европы сильной Россіи*) оставалось несомнѣннымъ, хотя-бы для борьбы съ повсемѣстнымъ хаосомъ; традиція ей благопріятная была очень живуча; возвращеніе ея въ концертъ державъ въ сущности ожидали — слѣдовательно, въ общемъ, въ эту сторону очень тянуло всѣхъ. Вотъ и казалось, что формула «федерации» всѣхъ примирить.

Всѣ эти вопросы получали острое значеніе съ того момента, какъ военные успѣхи адм. Колчака, а позже ген. Деникина, позволили многимъ предвидѣть паденіе совѣтской власти и замѣну ея новымъ правительствомъ.

Къ этому времени, новыя республики (балтійскія и закавказскія) уже достаточно были извѣстны державамъ. Парижская конференція въ точности знала, въ чемъ ихъ желанія и надежды. Раньше и лучше чѣмъ въ Россіи, тамъ удалось устроить государственный порядокъ на началахъ народнаго представительства. Агенты державъ воочію и на мѣстахъ могли въ этомъ убѣждаться, сравнивая и сопоставляя.

«Отдать» всѣ эти молодыя и чисто народныя республики въ распоряженіе правительства возстановлявшейся Россіи въ видѣ ея неотъемлемаго достоянія, безъ всякихъ гарантій и обязательствъ съ ея стороны, было-бы мѣрой, которая несомнѣнно вызвала-бы ропотъ и недовольство.

60.

Не стану судить, кто былъ ближе къ цѣли съ военной точки зрѣнія, и кто дѣйствовалъ съ большимъ политическимъ

*) Мысль, что «сильная Россія» можетъ построиться и изъ совѣтской Москвы, получаетъ значеніе годомъ позже, т. е. въ 1920 г.

благоразуміемъ, Колчакъ-ли (весною 1919 г.) или Деникинъ (осенью того-же года) — разумѣю, конечно, имена этихъ вождей какъ обозначенія собирательныя: въ эпоху парижской конференціи высшей точкой въ развитіи «русскаго вопроса» и главнѣйшимъ показателемъ коллективной политики державъ въ дѣлахъ Россіи было изложеніе условій, на которыхъ державы эти (Британская Имперія, С.-Американскіе С. Штаты, Франція, Японія, Италія) соглашались дать свое признаніе т. наз. правительству адмирала Колчака.*)

Условія эти, сформулированныя Верховнымъ Совѣтомъ въ концѣ мая 1919 г. предусматривали, между прочимъ, (п. 5) «опредѣленіе взаимоотношеній» между Россіей и государственными новообразованиями на ея окраинахъ въ порядкѣ договорномъ, съ помощью великихъ державъ, а позже — Лиги Націй.

Это былъ, несмотря на неясность относящихся сюда текстовъ и заявленій,*) на мой взглядъ, шагъ впередъ и большой успѣхъ молодыхъ, окраинныхъ правительствъ: окраинный вопросъ, изъ сферы внутренней политики и усмотрѣнія — въ лучшемъ случаѣ, «народа російской державы» — дѣлался вопросомъ международнымъ. Великія державы, оказывая содѣйствіе возстановленію Россіи и понимая, въ то же время, что уровень государственнаго развитія объединителей Россіи не обезпечиваетъ ни мудрости, ни справедливости, ни миролюбія въ разрѣшеніи окраинной проблемы, указали совершенно новый путь для достиженія въ этой области прочныхъ результатовъ.

«Я думаю, говорилъ мнѣ какъ разъ въ это время одинъ изъ экспертовъ британской делегаціи, что Грузія и другія страны, находящіяся въ аналогичномъ положеніи, будутъ довольны поставленными нами условіями». Замѣчу, что хотя это и не выразилось съ полной точностью въ вышеприведенномъ текстѣ союзнической ноты, но въ виду имѣлось собственно утвержденіе государственной автономіи новыхъ республикъ съ международной гарантіей. Таково было толкованіе англи-

*) Этому предшествовала энергическая «боевая» подготовка въ европейской печати, съ Times во главѣ.

*) По вопросу «окраинной» политики великихъ державъ въ 1919 г. полезныя данныя у *Gaston Gaillard. Le Mouvement Panrusse et les Allogènes. P. 1919.* Тамъ же изложены и разные общіе шаги окраинныхъ делегацій.

чанъ. Такъ же смотрѣли на дѣло и американцы. А вся постановка вопроса и была, въ сущности, англо-американская.

Въ американской делегаціи мнѣ подтвердили: въ нотѣ Колчаку державы стали на точку зрѣнія (не полной независимости, а) автономіи окраинъ съ международнымъ контролемъ взаимоотношеній ихъ съ Россіей. Къ этому прибавляли — въ видѣ утѣшенія: «непоследовательность и принципиальная сомнительность рѣшенія не можетъ быть отрицаема; но что дѣлать! державы не рѣшаются на расчлененіе Россіи».

Мы хлопотали еще до того (безуспѣшно) объ учрежденіи при конференціи особой комиссіи «по кавказскимъ дѣламъ» — по образцу балтійской.*) Колчаковская фаза помѣшала этому дѣлу — такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли въ американской делегаціи.

«Итакъ, рѣшено «отдать» окраины обратно Россіи», спросилъ я какъ-то американскаго эксперта по Россіи и Польшѣ, проф. Лорда. «Но почему Вы думаете, что Васъ отдадутъ на произволъ Россіи? Нѣтъ, вы не будете оставлены одни: державы, а также Лига Націй займутся вашими съ нею взаимоотношеніями».

Таковъ, стало быть, былъ дѣйствительно взглядъ наиболѣе для нашего вопроса авторитетныхъ делегацій. Взглядъ этотъ, естественно, влекъ за собою и обсужденіе того, какъ же быть, въ будущемъ, если окрѣпшая и объединенная Россія... воспротивится намѣчавшемуся рѣшенію.

Прибавлю теперь же, что «колчаковская» фаза затормозила временно и разсмотрѣніе вопроса объ американскомъ мандатѣ въ Арменіи (и на Кавказѣ).

Отношеніе окраинныхъ правительствъ къ изложенному (довольно, въ общемъ, зачаточному) плану было отрицательное.

Грузинская делегація, какъ и другія, еще въ мартѣ 1919 года представила Конференціи меморандумъ съ формальнымъ обоснованнымъ ходатайствомъ о международномъ признаніи независимости Грузіи, съ указаніемъ территоріальныхъ притязаній и т. д. Меморандумъ былъ подписанъ предсѣдателемъ грузинскаго Учредительнаго Собранія — онъ былъ, одно-

*) Въ этомъ уже выразилось все преимущество, вытекавшее для балтійскихъ республикъ изъ ихъ сосѣдства съ Германіей. Ими конференція не могла не заняться, коль скоро миръ съ Германіей былъ главнымъ ея дѣломъ. Географическое-же (а потому и политическое) положеніе Грузіи было иное.

временно, предсѣдателемъ парижской делегаціи. Учредительное Собраніе, было открыто съ торжественностью 12 марта въ Тифлисѣ, и, первымъ своимъ актомъ, единогласно подтвердило декларацію независимости Грузіи 26 мая 1918 г. 26 мая съ большимъ одушевленіемъ отпразднована была всюду въ Грузіи первая годовщина независимости — шансы которой, видимо, множились, а не уменьшались. Не удивительно, поэтому, что грузинская делегація, увѣдомляя конференцію о вышеупомянутомъ актѣ Учредительнаго Собранія, заявляла въ нотѣ отъ 26 мая 1919 г., что «въ случаѣ разрѣшенія русскаго вопроса, правомѣрное существованіе грузинской республики должно быть принято во вниманіе» и что «если за какимъ либо правительствомъ державами будетъ признано право представлять Россію, Грузія должна быть формально и опредѣленнымъ образомъ исключена изъ территоріи этого будущаго русскаго государства».

Опубликованіе документовъ по вопросу о признаніи великими державами правительства адмирала Колчака дало поводъ и къ коллективному заявленію представителей окраинныхъ «новообразованій», въ защиту независимости послѣднихъ. Декларація эта, подписанная Топчибашевымъ (Азербайджанъ), Поска (Эстонія), Чхеидзе (Грузія), Мейеровицемъ (Латвія), Чермоевымъ (Горская республика), де-Луткевичъ (Бѣлоруссія) и Сидоренко (Украина), 17-го іюня 1919 г., отвергала авторитетъ общерусскаго правительства по отношенію къ перечисленнымъ республикамъ и добивалась отъ конференціи признанія ихъ независимости.

Наконецъ, въ особой деклараціи представителей кавказскихъ республикъ, поданной 20 іюня, отъ имени Азербайджана, Грузіи и Горской республики (Арменія въ этихъ шагахъ участія не принимала), кавказскія делегаціи принимали къ свѣдѣнію возвѣщенный великими державами порядокъ улаженія «окраиннаго» вопроса и, одновременно, подтверждали конференціи свою вѣрность занятой ими позиціи независимости и полного отдѣленія отъ Россіи.

Однако, въ результатѣ неудачъ, постигшихъ бѣлое движеніе подъ водительствомъ Колчака и, позже, Деникина, намѣтившаяся было позднюю весною 1919 г. программа разрѣшенія русско-окраиннаго вопроса, столь важная для выясненія архитектурнаго «ансамбля» новой Европы, осталось безъ осуществленія.

ГЛАВА XXIII.

ГРУЗИЯ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

61.

Какъ ни интересно было такое созерцаніе будущихъ возможностей — съ академическихъ высотъ Парижской конференціи, у насъ, въ теченіе всего 1919 года была острая забота совершенно практическаго характера: какъ уберечь Грузію и Закавказье отъ вторженія туда войскъ Добровольческой арміи?

Армія эта, въ періодъ связанный съ именемъ генерала Деникина, по справедливости считалась однимъ изъ главныхъ — осенью 1919 года она была главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ новомосковскимъ (совѣтскимъ) государствомъ. Армія эта во многомъ зависѣла отъ союзниковъ, снабжавшихъ ее всякимъ добромъ. Благодаря этой связи съ державами, а особенно съ Англіей, державшей въ первой половинѣ 1919 года свои отряды въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, имѣлась, казалось-бы, возможность обезпечить какой нибудь *modus vivendi* между «бѣлыми», направлявшими свое оружіе на сѣверъ, и закавказскими республиками, заслоненными отъ нихъ кавказскимъ хребтомъ и находившимися подъ наблюдениемъ тѣхъ-же англичанъ, меценатовъ деникинской арміи. Однако, опредѣленный *modus vivendi* никогда не былъ установленъ; и добровольческая армія, подчиняясь какъ-бы внутреннему закону своего бытія и предназначенія, стихійно влеклась къ тому, чтобы (безъ всякой надобности для прямой своей задачи) какъ нибудь, «короткимъ ударомъ» опрокинуть Грузію и Азербайджанъ, независимости которыхъ она, конечно, не признавала.*)

*) 25 сент. 1918 г. въ совѣщаніи представителей Грузинской республики, Кубанскаго правительства и Добровольческой Арміи генералъ Алексѣевъ сказалъ безъ обиняковъ: «Я считаю необходимымъ заявить, что Добровольческая Армія никакихъ по-

Я не собираюсь, конечно, воспроизводить здѣсь даже главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи этой запутанной, затяжной и во многихъ отношеніяхъ, нелѣпой распри. Скажу лишь, что сопротивленіе домогательствамъ добровольцевъ оказалось довольно энергичнымъ. И настойчивость, съ какою вниманіе Парижской конференціи, печати и общественнаго мнѣнія Европы привлекалось къ этому конфликту, конечно, не увеличивала симпатій къ объединителямъ Россіи. Думаю, впрочемъ, что всѣ признають теперь ошибочность вообще кавказской политики генерала Деникина.

Но если добровольческой арміи свойственно было стремиться къ внезапному захвату Грузіи и Азербайджана — въ расчетѣ, что Европа преклонится передъ совершившимся фактомъ, то и грузинское правительство допускало ошибки, которыхъ легко было избѣгать. Здѣсь я имѣю въ виду особенно вступленіе въ Сочинскій округъ и захватъ Туапсе (лѣтомъ 1918 года). Для чего это дѣлалось? Чтобы «заработать» лишнюю территорію? Этотъ путь велъ неизбѣжно къ спору не только съ Добровольческой арміей и вообще съ русскими группами, возлагавшими на нее надежды, но и съ Кубанскими автономистами, дружба которыхъ для грузинъ особенно цѣнна; а также и съ горцами, которые — другой вопросъ съ какими шансами! — тоже притязали на эту землю. Словомъ, не только въ Туапсе, но и въ Сочи грузинамъ нечего было дѣлать. Резолюціи различныхъ мѣстныхъ организацій о «временномъ присоединеніи къ Грузіи» ничего въ этомъ отношеніи не измѣняли. Вопросъ оставался чисто политическимъ: присоединеніе Сочинскаго Округа къ Грузіи создавало новую плоскость тренія — а ихъ и безъ того было достаточно.*) Зарвавшись, куда не слѣдуетъ (въ бытность грузинскимъ премьеромъ Н. Рамисвили), потомъ уже считали, вѣроятно, неудобнымъ, для престижа демократической республики, уходить изъ Сочи. Въ концѣ сентября 1918 года, для улаженія этого непріятнаго дѣла съ Добровольческой Арміей (еще при жизни генерала

полнозвоній на самостоятельность Грузіи не дѣластъ и признастъ ее въ полной мѣрѣ, и пусть знаетъ она, что съ этой стороны она вполне обезпечена». *Документы и матеріалы*, стр. 391. Этотъ завѣтъ былъ впоследствии основательно забытъ.

*) Нѣкоторые указывали на значеніе Сочинскаго округа для грузинской колонизаціи. Такая тяга туда, дѣйствительно, наблюдалась. Но, повторяю: въ положеніи Грузіи слѣдовало избѣгать осложненій, не вызываемыхъ необходимостью.

Алексѣева) и Кубанскимъ правительствомъ (предсѣдатель — Бычь), выѣзжалъ въ Екатеринодаръ представитель Грузіи Е. Гегечкори, вмѣстѣ съ генераломъ Мазніевымъ: имъ пришлось защищать въ корнѣ неправильное дѣло («Сочи временно должно остаться за Грузіей»).*)

Вопросъ остался тогда неразрѣшеннымъ. Позже, уже при англичанахъ, дѣло дошло до столкновений. Послѣ разныхъ перипетій Грузія заняла границу (въ Сочинскомъ округѣ) по р. Мехадырѣ, т. е. сохраняла обладаніе Гагринскимъ округомъ. Генералъ-же Деникинъ требовалъ очищенія грузинами и этого округа (лишь въ 1905 году отнесеннаго къ Кубанской области изъ состава Сухумской) т. е. куска Абхазіи, входившей теперь въ составъ Грузіи. Англійское командованіе, установивъ демаркаціонную линію, которой не должны были переходить войска генерала Деникина, требовало (11 іюня 1919 г.) отхода грузинъ за р. Бзыбь. «Неисполненіе этого условія, писалъ по этому поводу генералъ Кори грузинскому правительству, повлечетъ за собою прекращеніе добраго расположенія Великобританіи (къ Грузіи) и поставитъ правительство Е. В. въ невозможность противодѣйствовать генералу Деникину въ случаѣ его продвиженія къ югу за эту черту». На это приглашеніе грузинское правительство отвѣтило проектомъ временной нейтрализаціи Гагринскаго округа, съ выставленіемъ по Мехадыри и Бзыби (заключавшихъ спорное пространство) союзныхъ пикетовъ — впредь до разрѣшенія вопроса о границѣ Парижской конференціей (опять «Конференціей»!)

Необходимость занятія болѣе выгодной для обороны границы по Мехадыри (въ то же время не выходившей изъ рамокъ разумныхъ территоріальныхъ домогательствъ Грузіи) оправдывалась несомнѣнною угрозой всему Закавказью со стороны добровольческихъ войскъ въ этотъ моментъ. Только что передъ тѣмъ ими занятъ былъ Петровскъ и Дербентъ, раздавлена Горская республика на С. Кавказѣ и начато продвиженіе по территоріи Азербайджана.

Установленіемъ демаркаціонной черты британское коман-

*) Очень интересные во многихъ отношеніяхъ отчеты о совѣщаніяхъ по этому и другимъ вопросамъ, происходившихъ 25 и 26 сентября 1918 г. см. въ «Документахъ и матеріалахъ». Кстати, въ одномъ изъ этихъ засѣданій В. Шульгинъ упрекалъ Гегечкори за его оппозиціонную работу въ 3-ей Госуд. Думѣ, забывая, что низлагалъ-то Николая II все-же не Гегечкори, а онъ, Шульгинъ.

дованіе пыталось положить предѣлъ этому проникновенію въ Закавказье добровольцевъ и стремленію ихъ обойти съ фланговъ естественную границу — кавказскій хребетъ. При всемъ значеніи и авторитетности этого распоряженія союзной военной власти, Грузія и Азербайджанъ приняли, повидимому, и собственныя оборонительныя мѣры. Въ частности между ними былъ заключенъ военно — оборонительный союзъ (16 іюня 1919 г.).

Возбужденіе во всей Грузіи въ виду грозившей опасности было чрезвычайное: проявлялось оно самымъ бурнымъ образомъ въ печати, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ резолюціяхъ и прочемъ.

Я напоминаю о всѣхъ этихъ фактахъ лишь чтобы указать, что, слѣдуя въ этомъ отношеніи всенародному импульсу, грузинская делегація дѣлала все-что могла, чтобы убѣдить европейскія правительства, или точнѣе Верховный Совѣтъ, въ необходимости умѣрить добровольческое стремленіе въ предѣлы Закавказья.

Въ коллективномъ заявленіи трехъ кавказскихъ республикъ отъ 20-го іюня 1919 г. (уже упоминавшемся по другому поводу: см. стр. 195) говорилось особо (п. 6) о помѣхахъ, чинимыхъ дѣлу внутренняго устроения этихъ республикъ и возвращенію къ нормальнымъ условіямъ жизни, благодаря военнымъ поискамъ и угрозѣ со стороны арміи генерала Деникина.

Заявляя свой протестъ по поводу агрессивныхъ дѣйствій и угрозъ добровольцевъ, делегаціи Грузіи, Азербайджана и Горской республики просили Верховный Совѣтъ «предписать арміи добровольцевъ, которая содержится и поощряется Союзниками вовсе не для борьбы съ кавказскими народами, очистить захваченныя территоріи и уважать права кавказскихъ республикъ».

Изъ числа непосредственныхъ шаговъ, предпринятыхъ съ тою же цѣлью, упомяну лишь о посѣщеніи нами въ американской делегаціи извѣстнаго совѣтника президента Вильсона полковника Хауза (House), который именно къ этому ходатайству (приудержать добровольцевъ) отнесся съ полнымъ сочувствіемъ.

Демаркаціонная линія, нарушеніе которой возбранялось ген. Деникину союзнымъ командованіемъ, была самымъ ося-

зательнымъ указаніемъ на существованіе военно-политическаго контроля Верховнаго Совѣта на Кавказѣ въ эту эпоху.

Какъ уже упомянуто, грузинское правительство не увело своихъ частей за р. Бзыбь, какъ слѣдовало-бы, по буквѣ англійскаго т. е. союзнаго предложенія. Но это было, въ сущности, лишь небольшимъ отступленіемъ отъ указанной генераломъ Кори демаркаціонной линіи. Что касается добровольцевъ, они продолжали сидѣть въ Дербентѣ, т. е. далеко южнѣ демаркаціонной линіи, подходившей къ Каспійскому морю въ пяти километрахъ ниже Петровска. Въ началѣ іюля 1919 генераль Деникинъ увѣдомилъ правительство Азербайджана, что, если послѣднее не откроетъ противъ него военныхъ дѣйствій, то добровольческія войска не перейдутъ границъ Дагестана, т. е. рѣки Самуръ; и несмотря на переписку Азербайджана съ англійскимъ командованіемъ по поводу явнаго нарушенія іюньской демаркаціонной линіи, новая линія — по Самуру — была впослѣдствіи признана формально.

Тогда-же, т. е. при увѣдомленіи о намѣреніи своемъ не переходить на Каспійскомъ побережьи Самура, генераль Деникинъ заявилъ, что считаетъ Азербайджанъ частью Россіи, но будетъ признавать его независимость — впредь до разсмотрѣнія вопроса... Всероссійскимъ Учредительнымъ собраніемъ.*) Конечно, это не совпадало съ намѣреніями Верховнаго Совѣта, какъ они выразились въ предъявленныхъ имъ условіяхъ признанія Колчаковскаго правительства, но нѣкоторый шагъ впередъ, заключался въ отказѣ отъ непосредственныхъ дѣйствій.

Позже, съ развитіемъ военныхъ операцій генерала Деникина противъ совѣтскихъ войскъ, въ отношеніяхъ его съ закавказскими республиками замѣтно стало нѣкоторое успокоеніе, чему способствовалъ также пріѣздъ въ Тифлисъ британскаго главноуполномоченнаго Оливера Уордропъ и, повидимому, миссія генерала Баратова въ Баку и Тифлисъ.

Въ срединѣ 1919 года, въ разгаръ парижской конференціи, мы, какъ изложено выше, достигли уже нѣкоторыхъ результатовъ — мы могли рассчитывать на *поддержку* державъ въ дѣлѣ обезпеченія если не полной независимости, во всякомъ случаѣ — самой широкой автономіи.

*) Это былъ путь еще болѣе далекій чѣмъ: «парижская конференція разрѣшить».

Осуществивъ объединеніе Россіи тѣми силами, которыя шли съ Колчакомъ и Деникинымъ, тогда обезпеченіе автономіи окраинъ, съ помощью великихъ союзныхъ державъ было-бы, вѣроятно, крайнимъ предѣломъ достижимаго и возможнаго. Только допустили-ли бы окрѣпшая и объединенная Россія въ этомъ вопросѣ контроль державъ, при всей своей отъ нихъ зависимости? Безплодно было-бы гадать, но полагаю — на основаніи напр. разговоровъ съ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ генерала Деникина, проф. К. Н. Соколовымъ, пріѣхавшимъ въ Парижъ въ іюль 1919 года (вмѣстѣ съ главнымъ делегатомъ генераломъ Драгомировымъ) — что если правительство Деникина и не возражало въ принципѣ противъ такихъ вещей какъ автономія или федерація («лишь-бы въ рамкахъ россійской державы и съ соизволенія всероссійскаго Учредительнаго Собранія»), все же главная его надежда заключалась въ арміи («Европа демобилизуетъ — мы мобилизуемъ») и «соотношеніи силъ», — которое позволить Россіи рѣшать всѣ вопросы по своему.

Я получилъ впечатлѣніе, что въ предвкушеніи этого поворота событій, правительство ген. Деникина недооцѣнивало всѣхъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ величинъ, входящихъ въ составъ грузинскаго и вообще кавказскихъ и другихъ окраинныхъ вопросовъ.

Вообще же обостреніе этой распри, и всѣ угрозы и непріятности, чинившіяся Грузіи (блокада!) и Азербайджану со стороны Добровольческой арміи, представлялись мнѣ политической ошибкой, проистекавшей въ существѣ изъ нежеланія отказаться отъ стараго взгляда на подневольное положеніе окраинъ и вникнуть въ измѣненія, внесенныя въ этотъ вопросъ революціей.

Такъ какъ со стороны, въ частности, Грузіи предпріятіямъ генерала Деникина не грозило, очевидно, никакой опасности, и такъ какъ попытка *невзначай* овладѣть этой страной въ 1919 году могла кончиться непріятно для Добровольческой Арміи (хотя-бы благодаря зависимости ея отъ европейскихъ правительствъ, къ которымъ и представители Грузіи имѣли доступъ), то мнѣ и представлялось, что возможно было-бы сторонамъ (т. е. закавказскимъ республикамъ и Добровольческой арміи) обходиться вообще безъ столкновеній и излишнихъ трений. Я даже находилъ, что слѣдовало воспользоваться пріѣздомъ деникинской делегаціи въ Парижъ и обсудить во-

прось объ установлении чисто фактического сосѣдства между Грузіей и ея сосѣдомъ на сѣверѣ (сообразно позиціи нейтралитета). Но грузинская делегація этой мысли не раздѣляла, полагая, что такіе разговоры съ представителями «реакционныхъ силъ» не къ лицу грузинской демократіи. Но еще и нѣсколько раньше въ виду оглашенія условій возможнаго признанія правительства Колчака*) мною былъ поставленъ вопросъ о томъ, чтобы заблаговременно выяснить дѣйствительное отношеніе русскихъ круговъ къ вопросу о двустороннемъ опредѣленіи нашихъ взаимоотношеній съ Россіей. «Лучше сдѣлать это теперь, говорилъ я, когда правительство адмирала Колчака аморфно, чѣмъ позже, когда оно усилится. Если у Колчака — Деникина есть будущее, мы только выиграемъ, взявъ починъ переговоровъ; если у нихъ будущаго нѣтъ, мы ничего не проиграемъ, зондируя почву. По отношенію къ Конференціи мы свое положеніе лишь укрѣпимъ, такъ какъ будемъ держаться ея-же возвѣщенныхъ принциповъ. Ссылаясь на очевидность волеизъявленія Грузіи о независимости (Учредительное Собраніе), мы попытаемся объясниться дружески» и т. д.

Съ этимъ, однако, не согласился Церетели и другіе. Церетели находилъ, что «дѣйствуя такъ, мы бы такъ-сказать признали Колчака, укрѣпили его (sic) и разошлись-бы съ оцѣнкою всеевропейской демократіи».

Практическаго значенія это разногласіе тогда, къ счастью, не получило. Но оно показало мнѣ фатальное нежеланіе нашихъ с.-д. при все ихъ политической опытности, считаться серьезно съ дѣйствительными факторами положенія, т. е. прежде всего съ Россіей (въ 1919 г. это Деникинъ и Колчакъ; въ 1920 — совѣты; меньшевицкой Россіи не предвидѣлось!).

Независимость Грузіи требовала разнообразныхъ и гибкихъ приемовъ защиты. Худшій-же ея способъ заключался въ томъ, чтобы избѣгать серьезныхъ переговоровъ сегодня съ «бѣлыми», завтра съ «красными» (изъ за нелюбви къ этимъ окраскамъ) — не умѣть ладить съ западными «империалистами» — способными однако облегчить переговоры съ Россіей, — и въ то же время возлагать упованія на «всеевропейскую демократію», болѣе или менѣе легендарную.

*) По какому-то капризу исторіи именно послѣ этого военное счастье отвернулось отъ Колчака. Сталъ возвышаться зато генералъ Деникинъ.

Въ видѣ иллюстраціи къ главному предмету этой главы, позволяю себѣ привести разговоръ съ однимъ виднымъ русскимъ дипломатомъ, въ Парижѣ въ октябрѣ 1919 года (когда успѣхъ генерала Деникина казался особенно прочнымъ).

Рѣчь шла о процессѣ возстановленія Россіи. «Теперь, говорилъ мой собесѣдникъ, 90 шансовъ изъ ста, если не всѣ сто, что возстановленіе Россіи съ юга закончится успѣшно. («осторожнѣе будетъ считать шансовъ 30,» замѣтилъ я).

— Украинскій вопросъ какъ то исчезаетъ, — самостійность сходитъ на нѣтъ. Умѣренные тяготеютъ тамъ къ Деникину. О Бѣлоруссіи можно не говорить... Граница съ Польшею? Это вопросъ будущаго. Пока какъ нибудь обойдемся. Соберется Россія съ силами, и будетъ видно. Независимость Финляндіи будетъ нами признана, надѣюсь, теперь-же. Что касается балтійскихъ государствъ, то хотя многіе тамъ дѣйствуютъ такъ какъ если бы Россія окончательно сгинула, но и тамъ вѣдь имѣются люди, знающіе дѣйствительную Россію. Бесарабія? Мы допускаемъ плебисцитъ въ южной части. Румынскую точку зрѣнія мы все-же провалили здѣсь, въ Парижѣ... «Ну а въ Грузіи, допустили-ли бы вы плебисцитъ?» «Я лично не вижу основаній къ обратному». «Это очень интересно».

Я высказалъ, что возстановленіе державы Россійской не будетъ единымъ актомъ, а скорѣе процессомъ длительнымъ и сложнымъ; что настоящей, русской Россіи надлежитъ еще найти свое социальное равновѣсіе, свое національно-этническое единство (цѣлыхъ три Руси!) и соответствующую этому явному и очень глубокому расщепленію политическую форму; что во всемъ этомъ «окраинныя» республики, въ частности Грузія, не желаютъ, не могутъ и не должны участвовать.

Затѣмъ коснулись желательности и возможности неформальнаго, официальнаго обмѣна мнѣній между нами (новыми республиками) и ими на тему о добрососѣдскомъ сосуществованіи. Но этого не пришлось осуществить: бѣлое движеніе пошло быстро на ущербъ.

ГЛАВА XXIV.

АНГЛІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И КАВКАЗОМЪ.

Взаимоотношенія между Грузіей и русскими «реставраторами съ юга» тѣсно переплетаются съ вопросомъ о роли Англіи во всѣхъ этихъ дѣлахъ — юга Россіи и Кавказа.

Англія, какъ извѣстно, довольно энергично поддерживала предпріятіе генерала Деникина. Какъ, собственно, эта *противосовѣтская* линія («Черчилевская») совмѣщалась съ линіей: Принкипо — миссія Баллита въ Москвѣ*) — возрожденіе идеи «Принкипо» въ ноябрѣ 1919 г. которая приведетъ, въ 1920 году г. Красина въ Лондонъ и вызоветъ заключеніе англо-русскаго соглашенія въ 1921 г. — тема эта очень интересна, но насъ здѣсь не касается.

Намъ зато существенно имѣть въ виду другую «бифуркацію» англійской политики, довольно понятную, если не забывать объ огромномъ разнообразіи традицій, интересовъ и стремленій, объемлемыхъ словомъ: «Британская Имперія».

Помощь добровольцамъ въ борьбѣ съ большевиками диктовалась глубокими и довольно общими побужденіями западныхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи; *поддержка новыхъ окраинныхъ республикъ* могла, въ свою очередь, отвѣчать нѣкоторымъ серьезнымъ интересамъ или ходячимъ понятіямъ.

Но Великобританія не только выступала, вмѣстѣ съ другими державами, какъ-бы арбитромъ въ вопросѣ о б. окраинахъ Россіи. Въ силу условій, въ которыхъ закончилась въ ноябрѣ 1918 г. война, она въ лицѣ своихъ миссій и, благодаря оккупационнымъ отрядамъ, дѣлалась важнымъ факторомъ и мѣст-

наго значенія, способнымъ вліять весьма существенно на *фактическое положеніе*, какъ оно сложилось къ концу 1918 г., хотя бы на томъ же Кавказѣ.

Отъ этого «фактора» каждая изъ сторонъ, напр. въ грузино-добровольческой распрѣ ожидала поддержки; и въ поддержкѣ, оказываемой другой сторонѣ, видѣла нарушеніе данныхъ обѣщаній. Одни возмущались, напр., тѣмъ что «поощряютъ окраины, содѣйствуютъ расчлененію Россіи, союзной Россіи» и т. п.; а другіе съ сокрушеніемъ находили, что «поощряютъ русскую реакцію въ Россіи, вопреки волѣ демократіи, а здѣсь, въ Грузіи, поддерживаютъ враговъ самоопредѣлившейся народности» и пр.

Англійскіе генералы, пріѣхавшіе на Кавказъ, очутились поэтому между двухъ огней; не легко приспособляясь къ политическимъ манерамъ молодыхъ демократій революціоннаго происхожденія, они нерѣдко впадали въ ошибки, допуская «перелеты» и «недолеты»; въ общемъ же дѣйствовали сообразно упомянутой выше *двойственности* или, лучше сказать, *двоякости* англійской политики на Кавказѣ.

На первыхъ порахъ положеніе было особенно неприятнымъ. Въ концѣ ноября 1918 г., послѣ прибытія англичанъ въ Баку опубликована была, на примѣръ, прокламація командующаго союзными войсками, генерала Томсона, гдѣ говорилось: «симъ доводится до свѣдѣнія *населенія Кавказа*, что цѣлью послышки союзныхъ войскъ на Кавказъ является водвореніе общественной безопасности на *этой россійской территоріи, расположенной между Чернымъ и Каспійскимъ морями*» и т. д.

Указаніе, что Кавказъ расположенъ «между Чернымъ и Каспійскимъ морями», возраженій, конечно, не вызывало. Но въ обозначеніи этой территоріи, какъ «россійской» усмотрѣли зловѣщее предзнаменованіе того, что «насъ хотятъ отдать Россіи». А «мы» считали себя независимыми, суверенными государствами. И затѣмъ, гдѣ же тутъ право на самоопредѣленіе, президентъ Вильсонъ, «война за право мелкихъ народовъ» на существованіе и пр.?

Въ Грузіи упомянутая прокламація не могла быть опубликована. Правительство Жорданія заявило прибывшей въ Тифлисъ британской миссіи, что для поддержанія общественнаго порядка въ Грузіи нѣтъ необходимости въ присылкѣ англійскихъ войскъ, такъ какъ порядокъ достаточно охраняется грузинскимъ правительствомъ — что соответствовало дѣй-

*) Mr. Bullitt ѣздилъ въ Москву (съ вѣдома англичанъ и американцевъ) въ мартѣ 1919 г. для развѣдки относительно условій мира съ московскимъ правительствомъ.

**) Объ этой двойственности см. еще выше, въ § 60.

ствительности. Но, какъ впрочемъ уже было указано раньше (стр. 166), легко было найти болѣе подходящее объясненіе притяну въ разные пункты Закавказья англійскихъ частей. А послѣ формальнаго изъявленія симпатій великобританскаго правительства дѣлу независимости Грузіи (см. выше стр. 163-4), развитіе грузино-британскихъ отношеній вообще облегчалось. Англичане тогда же стали признавать грузинское правительство фактически (задолго до т. наз. «фактическаго признанія»). И, въ бытность свою въ Тифлисъ, въ маѣ 1919 г., генераль Милнъ, командующій союзными силами въ районѣ Чернаго моря, повторно привѣтствовалъ «отъ имени союзниковъ» Н. Жорданіа, какъ главу грузинскаго правительства.

Полноты взаимнаго пониманія все же не было.

Возможно, что англійскіе генералы на Кавказѣ чувствовали себя, социальнo и политически, все же ближе къ русскимъ генераламъ юга Россіи. А эти не забывали всякій разъ напоминать имъ о *россійской территоріи* между двумя морями. Съ другой стороны, то что англійскіе генералы говорили и особенно то, какъ они говорили, могло иногда вовсе и не выражать дѣйствительныхъ намѣреній англійскаго правительства. Въ разнообразныхъ заявленіяхъ ихъ грузинамъ порою трудно было и разобраться. Они предпочли разсуждать упрощенно. Ген. Деникинъ угрожаетъ Грузіи, а Англія поддерживаетъ ген. Деникина: слѣдовательно, «британскій империализмъ» есть союзникъ «всероссійской реакціи». И въ бурномъ отвращеніи отъ «всероссійской реакціи», проникались недоверіемъ и къ «британскому империализму».

Грузинское правительство, стремясь оградить свое достоинство (что конечно, было очень похвально!) и свой авторитетъ въ глазахъ народа, вообще слишкомъ прямолинейно налегало на свой суверенитетъ, на свою независимость, обращая меньше вниманія на необходимыя международныя предпосылки этой независимости. А демагогически руководимое, общественное мнѣніе и улица, придавая уже и вовсе топорное выраженіе даваемымъ лозунгамъ, не разъ открыто возставали противъ союза «британскаго империализма и всероссійской реакціи».

Что по отношенію къ Добровольческой арміи и *противъ* Добровольческой арміи, Англія играла въ Грузіи (въ 1919 г.) ту же роль, что Германія въ 1918 г. по отношенію къ Турціи — недостаточно при этомъ сознавалось молодой республикой.

И кажется не будетъ ошибкою сказать, что въ 1919 г. грузинская демократія, въ «дѣтской рѣзвости» уже «колебала треножники» болѣе сложныхъ дипломатическихъ расчетовъ, а ея правительство, быть можетъ, уже нарушало заповѣдь: «не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться».

64.

Давленіе Добровольческой Арміи на Грузію вызвало единодушный кличъ: «долой русскую реакцію въ Закавказьи!», который неизбежно сопровождался другимъ: «долой Западныхъ империалистовъ!» Естественнымъ союзникомъ Грузіи въ этомъ движеніи былъ, очевидно, международный социализмъ, съ которымъ грузинское с.-д. правительство имѣло прочныя личныя связи. Европейскіе социалисты не отказали, конечно, своимъ грузинскимъ друзьямъ въ (словесной) поддержкѣ ихъ противъ «русской реакціи», но заодно выступали и противъ «Западныхъ империалистовъ», т. е. противъ Англіи*).

На международный социализмъ возлагались однако въ Грузіи и болѣе общія надежды. Думали, что этимъ путемъ облегчится и укрѣпленіе ея независимости.

Спрашивается: могъ ли Интернаціоналъ быть полезенъ въ дѣлѣ признанія независимости Грузіи и въ созданіи условій, эту независимость обезпечивающихъ?

Въ эпоху Парижской конференціи не нужны были ни изысканія, ни размышленія, чтобы видѣть, что пользы отъ Интернаціонала въ этомъ дѣлѣ не могло быть, потому что вліяніе его на правительства великихъ державъ побѣдительницъ было чрезвычайно невелико. Версальскій договоръ тому доказательствомъ.

Съ «безполезностью» можно-бы примириться — лишь-бы не было «вреда». Къ сожалѣнію, бывалъ и вредъ. Я не говорю, конечно, о разныхъ мелкихъ эпизодахъ, скорѣе комическихъ, вродѣ, получившаго огласку въ печати**) и совершенно ненужнаго (для дѣла Грузіи) заявленія «грузинскаго министра Чхенкели» на Люцернской конференціи въ февралѣ 1919 года о томъ, что «мы отняли у помѣщиковъ землю безъ вознагражденія — *поэтому* независимость наша должна быть признана».

*) См. сборникъ: *La Géorgie indépendante*. Ed. du Parti Soc. Dém. de Géorgie. Женева 1919.

**) См. *Echo de Paris*, февр. 1919.

Можетъ быть, для соц.-дем. партіи очень важно было сказать въ своемъ кругу: «вы не думайте — у насъ вѣдь тоже... безъ вознагражденія». Какъ способъ отстаиванія независимости Грузіи передъ Клемансо, Вильсономъ и Ллойд-Джоржемъ это, какъ будто... слабовато.

Но возьмемъ болѣе важную вещь — резолюцію о признаніи независимости Грузіи, принятую, по просьбѣ Церетели, на Амстердамскомъ съѣздѣ 28-го апрѣля 1919 г.

Она рѣшительно подтверждаетъ независимость Грузіи, но требуетъ полной независимости, которая «исключала-бы опеку со стороны одной или нѣсколькихъ державъ и всякій иностранный контроль ея демократическихъ учреждений»). Это означало, что Интернаціоналъ высказывался противъ всякой системы, которая обезпечивала-бы Грузіи сотрудничество какой-либо великой державы въ видѣ мандата (на срокъ) — что, въ извѣстной мѣрѣ, неизбѣжно заключало-бы въ себѣ элементъ опеки. Между тѣмъ, очень скоро грузинскому правительству (да и самому Церетели) пришлось проситься подъ «мандатъ» (см. ниже). Здѣсь была, слѣдовательно, уже не одна «бесполезность»: здѣсь былъ и вредъ, преимущественно, моральный.

Во всѣхъ вопросахъ имѣвшихъ важное практическое значеніе для будущности Грузіи «Интернаціоналъ» или примыкавшія къ нему вліятельныя рабочія организаціи фатально и неизбѣжно становился и долженъ былъ становиться на путь, противоположный государственнымъ интересамъ Грузіи: такъ будетъ въ вопросѣ объ «интервенціи» (вообще), въ вопросѣ о снабженіи оружіемъ для замозащиты, въ вопросѣ о «скорѣйшемъ уводѣ (англійскихъ) войскъ» изъ Грузіи.

Наконецъ, когда, позже, обострится противоположеніе 2-го и 3-го Интернаціоналовъ, чрезмѣрная связанность грузинскаго правительства со 2-ымъ Интернаціоналомъ сдѣлаетъ Грузію мишенью, а затѣмъ и добычею — 3-го Интернаціонала. Но до этого еще далеко.

Дѣло независимости Грузіи окажется крѣпче, чѣмъ... черепъ пустытника въ баснѣ, и не смотря на увѣсистые булыжники бросаемые время отъ времени медвѣдемъ — Интернаціоналомъ, всегда въ наилучшихъ намѣреніяхъ, независимость Грузіи будетъ признана европейскими державами.

*) Текстъ этой резолюціи можно найти въ томъ же сборникѣ «La Géorgie indépendante».

ГЛАВА XXV.

ТРИ СОСѢДА.

65.

Въ общихъ выступленіяхъ — кавказскихъ и другихъ «окраинныхъ» делегацій (выше п. 60) *Арменія* не участвовала. Непосредственной угрозѣ съ сѣвера республика эта пока не подвергалась; выступать же совмѣстно, особенно съ Азербайджаномъ, *противъ* Добровольческой арміи, вовсе не соответствовало ея видамъ: въ близорукомъ расчетѣ она могла, пожалуй, ждать себѣ даже подмоги отъ тѣхъ, отъ кого сосѣди ея ждали лишь разрушенія и смуты. Къ тому же *Арменія* надеялась именно теперь на осуществленіе своихъ долготѣнныхъ надеждъ въ Турціи, съ помощью великихъ союзныхъ державъ, и впутываться въ такой моментъ въ раздоры своихъ сосѣдей съ другимъ «протеемъ» тѣхъ же великихъ державъ — ген. Декинскимъ ее, очевидно, не прельщало.*)

Напротивъ, Азербайджанъ опасался вторженія съ сѣвера такъ же или еще больше чѣмъ Грузія. Это конечно, приводило къ политическому сближенію этихъ двухъ республикъ, вообще естественному, объяснимому многими причинами, мотивами и интересами, а въ 1919 г. тѣмъ легче осуществимому, что съ пораженіемъ турокъ и уходомъ ихъ изъ Азербайджана послѣдній возвращался къ своей *кавказской* орбитѣ.

16 іюня 1919 г. былъ заключенъ въ Тифлисѣ между двумя сосѣдними республиками союзный договоръ, по силѣ котораго онѣ обязывались (ст. 1) «отражать совмѣстно, всѣми сво-

*) Представителемъ эриванскаго правительства при Добровольческой Арміи былъ б. членъ 3-ей Государственной Думы Сагателянъ.

ими вооруженными силами и всеми, имѣющимися у нихъ средствами, всякое нападеніе, угрожающее независимости или территоріальной цѣлости одной или обѣихъ договаривающихся республикъ». Договоръ заключался на 3 года (ст. 5). Стороны обязывались разрѣшать полюбовно или посредствомъ арбитража могущія возникнуть между ними пограничные споры (ст. 4). Оговаривалось право Арменіи заявить, въ двухнедѣльный срокъ, о желаніи своемъ приступить къ этому договору (ст. 10).*)

Сообщая Парижской конференціи текстъ изложеннаго договора, делегаціи грузинская и азербайджанская выражали надежду, что «конвенція эта, преслѣдующая цѣли чисто оборонительныя, не получитъ примѣненія въ части, касающейся предусмотрѣнныхъ въ ней совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и что *Закавказье будетъ ограждено отъ всякаго нападенія извнѣ, благодаря контролю союзныхъ державъ надъ операціями генерала Деникина*». Вмѣстѣ съ тѣмъ обращалось вниманіе на ст. 4 соглашенія, благодаря которой открывалась возможность скорѣйшаго размежеванія территорій Грузіи и Азербайджана.**)

Столкновенія конца 1918 года не могли конечно содѣйствовать сближенію — столь желательному и такъ-же естественному, — между Грузіей и Арменіей.

Легковѣрная надежда, что Парижская конференція «все рѣшитъ и все разберетъ», и, между прочимъ, потрудится установить государственныя границы въ Закавказьи — ослабляла и въ Тифлисѣ, и въ Эривани, какъ, впрочемъ, и въ Баку — стимулъ къ скорѣйшему разрѣшенію, *собственными* усиліями, всѣхъ пограничныхъ и другихъ разногласій. Сверхъ того Арменія могла (добросовѣстно заблуждаясь) считать, что положеніе ея особое; что по отношенію къ ней имѣются на державахъ — побѣдительницахъ обязательства, какихъ нѣтъ по от-

*) Договоръ былъ подписанъ, за Грузію, *Гегечкори, Рамишвили*, генералами *Одишелидзе* и *Гедеванишвили*; за Азербайджанъ — *Джафаровымъ*, генералами *Мехмандаровымъ* и *Сулъкевичемъ* (послѣдній — мусульманинъ, родомъ изъ литовскихъ мурзъ, поступившій на службу Азербайджана).

**) Къ сожалѣнію «возможность» не означаетъ еще «осуществленія». Договоръ 16 іюня оказался «непримѣненнымъ» и въ 1920 г. югда противъ Азербайджана (а, слѣдовательно, и Грузіи!) выступила уже другая сила, не находившаяся подъ контролемъ союзныхъ великихъ державъ.

ношенію къ ея сосѣдямъ; что ей, слѣдовательно, «дадутъ» благоприятныя границы и т. д.

Прибавить надо еще, что 28 мая 1919 г. (въ первую годовщину провозглашенія независимости Эриванской республики) особымъ актомъ было объявлено *соединеніе въ одно цѣлое* армянскихъ территорій расположенныхъ въ Закавказьи и въ Турецкой Арменіи. Такимъ образомъ, Армянская республика уже и формально выходила изъ сферы чисто кавказской политики въ полное опасностей и подводныхъ скалъ море турецкаго вопроса, куда, очевидно, ни Грузія, ни Азербайджанъ не могли вслѣдъ за нею отважиться.

По этой-же причинѣ затруднялось опять таки дѣло закавказскаго разграниченія. Въ случаѣ значительнаго расширенія Арменіи за счетъ Турціи, сосѣди Арменіи не усматривали основанія къ одновременному расширенію ея за счетъ Азербайджана и Грузіи. И неизвѣстность того, сдѣлается ли Арменія большой или останется маленькой, вызывала проволокъ въ дѣлѣ размежеванія трехъ республикъ, къ ихъ общей пагубѣ.

По существу, вопросъ объ установленіи границъ между Грузіей и ея сосѣдями не могъ считаться слишкомъ труднымъ для разрѣшенія, или-же недостаточно изученнымъ. И не было, конечно, недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ самыхъ либеральныхъ заявленіяхъ! Требовалось, однако, другое: упорство, большой кропотливый трудъ и терпѣніе, словомъ, серьезная воля. Ея не было обнаружено. Въ 1919 году ничто не мѣшало, напротивъ, все благопріятствовало, напр. разграниченію Грузіи съ Азербайджаномъ. Ничего однако не было сдѣлано. Съ Арменіей достигнуть соглашенія было труднѣе. Но и здѣсь, при настойчивости, можно было, вѣроятно, добиться установленія разумной и справедливой границы, конечно при условіи отказа Грузіи отъ мысли объ обезпеченіи ей «стратегической границы».*) — и отказа Арменіи отъ такихъ несерьезныхъ идей, какъ напр. «вознагражденіе Азербайджана за уступку армянами грузинамъ трети (грузинскаго) Борчалинскаго уѣзда другими частями... грузинской-же тер-

*) Удобныхъ для обороны границъ Грузія должна была желать не *противъ* Арменіи, а *совмѣстно* съ Арменіей и Азербайджаномъ. Впрочемъ, обсужденіе этого вопроса завело-бы меня далеко.

ритории*). Да и чрезвычайное настаивание на этническом принципе (по отношению к грузинским территориям; это значило: где армяне поселились хотя-бы в XIX вѣкѣ, там — Армения) было опаснее всего для самих же армян: недалеко уѣхали-бы они на этомъ конѣ въ Турцію! Очень скоро шаткость ихъ предположенія, что союзники — побѣдители о нихъ особенно позаботятся, должна была обнаружиться. И чрезвычайная ихъ заинтересованность въ сохраненіи добраго мира съ Грузіей, единственной изъ сосѣднихъ территорий, не занятой кровью «рѣзни» и «избиеній», — не могла-бы не дѣйствовать умѣряюще на армянскихъ главарей. Словомъ, и здѣсь, если не ошибаюсь, можно было, уже въ 1919 г., добиться разграниченія, которое и тогда, и раньше многими мыслилось на основѣ уступки въ пользу Арменіи пресловутой южной части Борчалинскаго уѣзда и отказа ея отъ притязаній на столь-же пресловутый уѣздъ Ахалкалакскій.

66.

Но что съ армянской стороны замѣчалась крайняя несговорчивость, въ этомъ я могъ убѣдиться въ Парижѣ, присутствуя при опытѣ разрѣшенія армяно-грузинскаго пограничнаго спора социалистическими средствами.

Въ началѣ мая 1919 г. бюро Интернаціонала (ставшаго позже 2-ымъ Интернаціоналомъ) рассматривало жалобу или, скорѣе, доносъ Микаэля Варандяна**) на правительство Грузіи которое-де угнетаетъ армянъ, занимается «империализмомъ» и завѣдомо нарушаетъ принципы, принятыя передъ тѣмъ социалистической конференціей въ Бернѣ***). Въ виду этой жалобы, бюро привлекло къ отвѣту обѣ стороны. Оно выслушало однихъ и другихъ; послѣ чего въ грузинской делегаціи про-

*) См. въ сборникѣ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній*. 1918 годъ. Тифлисъ. 1919. Стр. 11.

**) Извѣстный армянскій дѣятель и патріотъ, много вращавшійся въ европейскихъ социалистическихъ кругахъ. Позже — представитель Арменіи въ Римѣ.

***) На этой конференціи Чхенкелі подписаль резолюцію, по смыслу которой, при разграниченіи въ спорныхъ мѣстностяхъ, никакія соображенія экономическія, историческія, военныя и т. д. не могутъ быть приводимы. Все рѣшается этническимъ началомъ и голосованіемъ населенія. По буквѣ этого постановленія разъ армяне возбуждаютъ споръ, напр., объ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисскаго губ., гдѣ армяне (выходцы изъ Турецкой Арменіи) составляютъ большинство, и, слѣдовательно, «этническая» моти-

исходило совѣщаніе съ армянами (10-го Мая), на которомъ, однако, къ соглашенію не пришли. Былъ здѣсь Агаронянъ — котораго я оставилъ въ Константинополѣ, Оганджянъ — котораго я оставилъ еще раньше въ Берлинѣ, Варандянъ и др. Всѣ трое могли бы съ честью фигурировать на какомъ-либо ассирио-вавилонскомъ барельефѣ.

Ихъ взглядъ былъ очень простъ: они выражали лишь недоумѣніе по поводу того, что грузины, социаль-демократы вообще дерзаютъ притязать на земли, гдѣ грузинъ вовсе нѣтъ и никогда не было.

На слѣдующій день пренія происходили передъ «судьями», каковыми являлись: А. Гендерсонъ, Р. Макдональдъ*), еще одинъ именитый социалистъ-англичанинъ, К. Гюисманъ, Рендель, Ж. Лонгэ**).

Пренія эти были не изъ краткихъ и не безъ страстности. Армяне повторяли свое — о насиліяхъ, чинимыхъ грузинами, о захватѣ ими спорныхъ провинцій съ помощью германскихъ штыковъ и т. д. Церетели угостилъ ихъ ссылкой на вѣроломное нападеніе армянъ въ декабрѣ. Словомъ, разговоръ былъ «дорососѣдскій».

Затѣмъ, внесено было, съ грузинской стороны, предложеніе армянамъ о томъ, чтобы немедленно была избрана арбитражная коммиссія, которая, на основѣ бернскихъ постановленій, занялась бы разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ и разногласій, связанныхъ съ плебисцитомъ въ спорныхъ областяхъ; и чтобы, одновременно, обѣ делегаціи, грузинская и армянская, уѣдомили объ этомъ соглашеніи Парижскую конференцію.

Мысль эта, видимо понравилась «судьямъ» (предсѣда-

вировка имѣется на лицо, то остается лишь организовать плебисцитъ, и дѣло рѣшено. Если при этомъ нарушены жизненные интересы сосѣда — тѣмъ хуже для него. Конечно, эта процедура была-бы убійственной прежде всего для самихъ армянъ — какъ въ Турціи, такъ и въ разныхъ районахъ Закавказья гдѣ армяне смѣшаны съ мусульманами. Но въ рамкахъ армяно-грузинскаго спора объ уѣздахъ Борчалинскомъ и Ахалкалакскомъ такая процедура являлась-бы для армянъ выигрышной.

*) Нынѣ (1924) — М-ръ Внутр. Дѣлъ и Премьеръ Великобританіи.

**) Бюро Интернаціонала пользовалось въ эти дни для своихъ занятій вообще гостепріимствомъ грузинской делегаціи. Минѣ такъ и не удалось тогда выяснитъ, кто кому покровительствовалъ, Интернаціональ-ли Грузіи, или Грузія Интернаціоналу? Постѣдному плохо приходилось въ 1919 г.

тельствствовалъ Гендерсонъ, съ большою флегмою, и не безъ нѣкотораго недоумѣнія перелъ картиною «южныхъ страстей» — изъ за пустяковъ). Гюисмансъ, привыкшій къ дракамъ фламанцевъ и валлонцевъ, формулировалъ, наконецъ, на основѣ грузинскаго предложенія, пункты, склоняя армянъ къ ихъ принятію. Трудно было возражать; но они внезапно заговорили о привлеченіи къ трибуналу виновниковъ армяно-грузинскаго столкновенія и потребовали принятія, сверхъ пунктовъ формулированныхъ Гюисмансомъ, еще одного: объ удаленіи грузинскихъ войскъ и администраціи изъ спорныхъ районовъ передъ плебисцитомъ. Мы-же, вмѣстѣ съ Гюисмансомъ, полагаемъ, что этотъ и другіе подобные вопросы должны быть, именно, предоставлены усмотрѣнію арбитражной комиссіи.

Однако упорство армянъ (особенно Варандяна) было таково, что Гюисмансъ прямо упрекнулъ ихъ въ нежеланіи договориться.

Такъ ничего изъ этой попытки не получилось. Но любопытно было видѣть игру сталкивающихся національных страстей, здоровыхъ, можетъ быть, и очень простыхъ, подъ ярлыками интернационализма и социализма.*)

*) Въ общемъ, между Грузіей и Арменіей отношенія въ 1919-20 г. установились сносныя (хотя господствовавшія въ этихъ странахъ партіи, грузинскіе с.-д. и армянскіе дашнаки не очень жаловали другъ друга). Постъ несостоявшейся конференціи ноября 1918 года (см. выше стр. 167), грузинское правительство созывало конференцію для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ кавказскихъ республикъ еще въ маѣ 1919 г. Программа ея была превосходна, но работъ помѣшала угроза Закавказью со стороны Добровольческой арміи. Позже, въ августъ 1919 года, въ виду кровавыхъ столкновений между армянами и мусульманами, занятія конференціи, по почину грузинскаго правительства, возобновились.

ГЛАВА XXVI.

ВЪ ПОИСКАХЪ МАНДАТАРІЯ.

67.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ Парижской конференціи былъ вопросъ о мандатахъ.

Положеніе о Лигѣ Націй упоминаетъ *болѣе спеціально* о мандатахъ двоякаго характера: взятіе въ управленіе бывшихъ германскихъ владѣній въ колоніяхъ; и сотрудничество — опека по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, входившимъ въ составъ подлежавшей полному расчлененію Оттоманской Имперіи. Но эти категоріи, согласно тексту ст. 22 *The Covenant of the League of Nations* являются частными, хотя и наиболѣе важными приложеніями болѣе общей программы международной политики, выраженной такъ:

«По отношенію къ колоніямъ и территоріямъ, которыя вслѣдствіе войны перестали находиться подъ суверенитетомъ государствъ, ранѣе ими управлявшихъ, и которыя населены народами, не способными еще существовать самостоятельно*) въ тягостныхъ условіяхъ современнаго міра (*under the strenuous conditions of the modern world*), должно примѣняться то начало, что благоденствіе и развитіе такихъ народовъ образуютъ священную задачу цивилизаціи, и что гарантіи осуществленія этой задачи должны быть включены въ настоящее положеніе.

*) «To stand by themselves»; французскій текстъ гласитъ нѣсколько иначе: «non encore capables de se diriger eux-mêmes».

Лучший способ практического выполнения этого начала заключается в том, чтобы опека таких народов доверялась передовым нациям, которые благодаря своим средствам, опыту или географическому положению, могут наилучшим образом взять на себя эту ответственность, и которые согласны принять ее; и чтобы опека эта осуществлялась ими в качестве мандатариев от имени Лиги.

Характер мандата должен различаться сообразно степени развития народа, географическому положению территории, экономическим условиям и другим подобным обстоятельствам»...

Такова была официальная доктрина, усвоенная конференцией по вопросу о мандатах. Она проистекала из благородного (если считать слова серьезными!) предположения, что передовые (победоносные, богатые, сильные!) нации распределять между собою труд по скорейшему приобщению одних народов — к благам хорошей администрации (колонизальные, «черные» мандаты), других — к благам независимого, свободного, культурного существования («белые» мандаты).

Закавказья близко касался, конечно, мандат в Армении. Даже если бы мандат этот коснулся одной только Турецкой Армении, появление там, в качестве мандатария, одной из великих держав имело бы большое значение для соседних республик. Тем более в случае — казавшагося тогда неизбежным — соединения турецкой Армении с Эриванской республикой, т. е. с бывшею русскою Армениею, которое и вовсе ввело бы мандатарию в круг кавказской политики.

О глубокой заинтересованности Грузии в этом вопросе будет сказано дальше. Теперь же уместно указать, что несмотря на более специальное ограничение сферы возможных мандатов бывшими германскими колониями и частями 6. Оттоманской Империи (Армения, Палестина, Месопотамия) на деле, в эпоху Парижской конференции, возникала речь о мандатах и в отношении указанных выше двух категорий, как это, впрочем, и соответствовало общей идее этого учреждения. Имю в виду именно Закавказье. Однако, прежде чем осветить эту сторону дела, надо сказать несколько слов о том, как Грузия, или точнее, грузинское правительство смотрело на этот вопрос. Это тем более важно знать, что без опре-

деленной инициативы со стороны грузинского правительства вопрос о мандате, конечно, не мог бы быть и поставлен в Париже.

Официальный взгляд выражен был, очевидно, в акте независимости Грузии 26 мая 1918 г., единогласно утвержденном ее Учредительным Собранием 19 марта 1919 г. Здесь говорилось определенно о независимости и суверенитете. Общественное мнение в Грузии только так и понимало вопрос. Однако те, кто взяли на себя ответственность за ведение дела Грузии, не могли, конечно, ограничиваться таким формальным лозунгом. Надо было ведь не только создать самостоятельный государственный порядок внутри Грузии, но еще добиться согласия России на совершившийся выход Грузии из состава Империи и позаботиться, на первых порах, пока страна получит прочную организацию, о той поддержке извне, которая подкрепляла бы независимость.

В 1918 г. сделана была попытка разрешить именно эти задачи с помощью Германии. Как показал опыт, правильно было об этих задачах связать: кто может и желает помочь делу независимости Грузии, тот, прежде всего, должен помочь ей получить признание со стороны России. И если ему по силам последнее, посильно будет и первое.

В 1919 году, при довольно распространенной вере в Парижскую конференцию, Вильсоновы начала и т. д., могло казаться, что все дело лишь в получении формального признания; и что остальное приложится. Так, повидимому, и смотрели в Грузии. Но это было, конечно, неправильно. Надо было заблаговременно думать о чьей-либо помощи, в предвидении неизбежного стремления России (белой или красной) восстановить свое положение на Кавказе. Без посторонней помощи ни одно новое государство не могло бы построиться «в тяжелых условиях современного мира»^{*)}: а в начале 1919 г. «самоопределившиеся народы» все без исключения пользовались такой помощью, хотя формы ее иногда и маскировались.

Сама Россия не могла бы обойтись без помощи более богатых и удачливых наций: не естественно ли было добиться не только признания, но и действительной поддержки.

^{*)} Глубокий и многообразный смысл этого меланхолического замечания (см. стр. 215) не для всех оказался ясным.

ограждения у этой высшей инстанции, у державъ устроительницъ Европы?

Наплежало вообще держаться—я лично держался—того взгляда, что страна, занимающая географическое положеніе Грузіи (между Россіей и Турціей) и не имѣвшая до революціи государственной организаци (какъ напр. Финляндія), обязательно нуждается сверхъ формальнаго признанія, въ болѣе определенной, болѣе специальной поддержкѣ какой-нибудь великой державы. Побѣжденная Германія уже не могла выполнить этой задачи. Могъ-ли кто-нибудь ее замѣнить?

Разумѣется, ни Чхеидзе, ни Церетели не могли ставить вопросъ такъ. Противоположеніе имперіализмовъ — пролетариату, революціонной демократіи, оставалось для нихъ въ силѣ. Они были крѣпко связаны путами этихъ формулъ и передъ своими европейскими товарищами, и передъ «паствой» въ Грузіи, воспитанной именно на этихъ безпомощныхъ и упрощенныхъ формулахъ. Они были, поэтому, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, мало подходящими лицами, какъ разъ для работы по обезпеченію Грузіи дѣятельной поддержки какой-либо великой державы; а если почему либо — хотя-бы, напримѣръ, по природному ихъ благоразумію, которое вдругъ взяло бы верхъ надъ заученой фразой — они стали бы на путь прямого «соглашательства» съ «имперіализмомъ» — они неизмѣнно оказывались въ двойственномъ, фальшивомъ положеніи.

Вопросъ о «мандатѣ» грузинская делегація впервые обсуждала при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Меморандумъ нашъ съ ходатайствомъ о признаніи независимости Грузіи былъ представленъ конференціи. Делегаты (преимущественно Чхеидзе) посѣщали по списку «персонажей», и визиты эти имѣли явно характеръ обязательной и скучной формальности. Не занимая официальнаго положенія въ делегаціи*), но являясь на дѣлѣ ея сотрудникомъ (мною только-что былъ составленъ напр. основной, вышеупомянутый меморандумъ, представленный отъ имени Грузіи Парижской конференціи), я, конечно, желалъ знать, въ чемъ, собственно, заключаются планы и мысли грузинскихъ полномочныхъ. Въ виду этого, 23 марта (1919 г.) Чхеидзе пригласилъ меня въ частное совѣщаніе делегаціи, гдѣ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній.

*) Позже, въ мѣс 1919 г. я былъ «кооптированъ» въ ея составъ.

Ав. Необходимо выяснить главный вопросъ. Чего мы здѣсь добиваемся? формальнаго признанія независимости и «принятія въ семью цивилизованныхъ націй», подобно такимъ новымъ государствамъ, какъ Чехія, Югославія? или же мы нуждаемся въ посторонней помощи на первыхъ порахъ и будемъ ждать ее отъ «мандатарія»? — Повидимому, всѣ согласны съ тѣмъ, что своими силами Грузія не можетъ обезпечить себя въ ближайшее время отъ всѣхъ внѣшнихъ напастей. А разъ нужна поддержка какой-либо великой державы, то нѣтъ основанія отворачиваться отъ института «мандата», тѣмъ болѣе, что мандатъ осуществляется по порученію и подъ наблюденіемъ Лиги Націй, т. е. высшей инстанции, — онъ ограничивается определеннымъ срокомъ — содержаніе же его можетъ быть предварительно нами обусловлено прямыми переговорами съ мандатаріемъ. По существу, этотъ «мандатъ» могъ бы соответствовать нашей прошлогодней схемѣ грузино-германскихъ взаимоотношеній. Но конечно, инициатива въ этомъ дѣлѣ должна исходить отъ насъ и т. д.

Слѣдовало изложеніе практической программы, вытекавшей изъ изложеннаго.

И. Церетели. Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія независимости. Нашъ народъ такъ свyksъ съ этой мыслью, что трудно преподнести ему что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ начинать съ мандата или протектората едва-ли слѣдуетъ. Будемъ просить о признаніи нашей независимости — а, потомъ, взвѣсивъ все, договоримся, скажемъ, съ Англіей. Спросимъ ее, что она думаетъ дѣлать съ войсками, расположенными у насъ, будемъ просить ее не уводить ихъ.

Чхеидзе. Дипломатія — трудное дѣло вообще, а сейчасъ и вовсе головоломное. Взять, напримѣръ, этотъ «мандатъ»: совмѣстима или нѣтъ съ нимъ независимость? и т. д.

Конечно, много сомнѣній возникало въ связи съ этими терминами «мандатъ» и «Лига Націй», но я все-же находилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и, особенно, въ странѣ, доказавшей способность къ политическому самоуправленію, «мандатъ» можетъ, лучше чѣмъ гдѣ-либо, соответствовать своему назначенію: быть временною помощью новому государству, въ періодъ его организаціи.

«Не забывайте главнаго, прибавлялъ я: намъ нельзя опаздывать и выжидать — нужно заблаговременно обезпечить Грузію отъ неожиданностей.»

Въ общемъ, наши главные делегаты, какъ оказывалось, вовсе не были принципиальными противниками «мандата». Но они желали выжидать. А пока что, амстердамская резолюція 28 апрѣля 1919 года, «проведенная» тамъ Церетели, съ присутіемъ ему искусствомъ, высказывалась очень недвусмысленно *противъ всякаго ограниченія* «полной независимости» Грузіи какимъ-бы то ни было контролемъ или «опекою» со стороны европейскихъ державъ (см. выше). Возможно, что такая позиція была необходима для личнаго положенія грузинскихъ социалистическихъ лидеровъ въ Интернаціоналѣ. Дѣлу Грузіи здѣсь оказывалась плохая услуга.

Двусмысленность этой позиціи обнаружилась очень скоро — когда угроза со стороны Добровольческой арміи далъ грузинскому правительству въ Тифлисъ и его полномочнымъ въ Парижѣ наглядный урокъ того, что одной «независимости» недостаточно для самообороны, и что поддержка какой-либо изъ «империалистическихъ» державъ не такъ уже безразлична.

Выше уже изложено, какъ въ самой Грузіи успѣли испортиться отношенія съ англичанами (главными «империалистами»). Грузинскій фронтъ противъ Деникина понимался, какъ «соціалистическій»; а глава грузинскаго правительства не рѣшался проститься съ краснымъ знаменемъ, развѣвавшимся надъ дворцомъ въ Тифлисъ, какъ ребенокъ не желаетъ разстаться съ любимой игрушкою. Все это были показанія, мало благоприятныя для сближенія съ какою-либо великою державою!

А вотъ, потребность въ такомъ сближеніи чувствовалась теперь остро. Однако, когда Церетели, сопровождаемый, на этотъ разъ, по его просьбѣ, мною, заговорилъ въ британской делегаціи о желательности установленія болѣе тѣсныхъ связей между «демократической республикой» и «британскимъ империализмомъ», отвѣтъ получился болѣе чѣмъ уклончивый. Пришлось даже выслушать отъ лица, за чьей подписью мы получили, въ декабрѣ 1919 г., выраженіе симпатій Грузіи, признаніе, что «симпатіи были», но теперь ихъ... «меньше». (Разговоръ съ сэромъ Луисъ Маллетъ, 26 іюня 1919 года).

Было-бы впрочемъ, ошибочно въ этомъ «охлажденіи» британскаго правительства видѣть только послѣдствіе «несо-

отвѣтствующаго», враждебнаго «западному империализму» настроенія въ самой Грузіи. Были и болѣе общія причины отказа Великобританіи отъ активной политики въ Грузіи (и вообще въ Закавказьи). въ 1919 г., а именно: затруднительность дѣятельнаго отстаиванія независимости Закавказскихъ республикъ (въ смыслѣ окончательнаго отдѣленія ихъ отъ Россіи) — одновременно съ политикой возстановленія единства Россіи, переобремененность британскаго льва всякаго рода заботами и отвѣтственностью, — наконецъ, необходимость экономій, на которыхъ общественное мнѣніе Англіи настаивало очень повелительно съ момента окончанія войны.*)

Да и вообще, созданіе англійской позиціи въ Закавказьи, согласованной съ его независимыми республиками, хотъ и могло представить *большой интересъ* для Британской Имперіи — съ разныхъ точекъ зрѣнія не имѣло для нея *жизненнаго* значенія.

Этого достаточно, чтобы объяснить, почему идея британскаго мандата не могла имѣть практическаго успѣха въ серединѣ 1919 года.

Между тѣмъ, грузинское правительство, встревоженное извѣстіями о предстоящемъ уходѣ изъ Закавказья англичанъ, и не желая оставаться въ пріятномъ tête-à-tête съ добровольцами, было бы вовсе не прочь отъ замѣны англичанъ какими нибудь другими «империалистами». Въ Закавказье на смѣну англичанамъ просились итальянцы, и о предстоящемъ прибытіи итальянскихъ войскъ было даже объявлено официально. Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже утверждать, что водвореніе Италіи, въ качествѣ мандатарія, на Закавказскомъ перешейкѣ, и было-бы въ то время (1919 г.) самою практическою, согласованною съ очень разнообразными условіями и интересами, формою... британскаго мандата въ Грузіи и Азербайджанѣ!

Италія обдѣлена сырьемъ, и «поиски сырья» были однимъ изъ главныхъ мотивовъ итальянской внѣшней политики въ послѣдніе годы. Съ итальянской стороны выдвигалась даже идея международнаго «перераспределенія сырья», какъ одна изъ задачъ Лиги Націй. При такомъ умоначертаніи, естественно подсказывалась мысль о привлеченіи итальянцевъ къ

*) Ограничившись, съ лѣта 1919 г., оккупацией одного Батума въ Закавказьи, Англія достаточно обезпечивала себя этимъ на случай, если-бы позже она снова рѣшила принять болѣе близкое участіе въ политикѣ закавказскихъ республикъ.

разработкѣ природныхъ богатствъ Кавказа. Особенный интересъ обнаруживался при этомъ къ каменному углю — главной заботѣ Италіи.

Я здѣсь ничего не скажу о томъ, въ какой связи «кавказская оріентація» Италіи находилась съ европейской политикой дѣлеж и компенсацій, неизбежной въ условіяхъ 1919 года. Заинтересованность Италіи казалась настолько серьезной, что одно время, намѣтилось и обратное теченіе — именно *итальянская оріентація грузинскаго правительства*. Обнаружилась она съ остротой, но мимолетно.

Интересъ къ «природнымъ богатствамъ» Грузіи, итальянцы обнаружили при первыхъ же встрѣчахъ съ предсѣдателемъ грузинской делегации въ Парижѣ, Чхеидзе. «Какъ у васъ насчетъ кам. угля?» былъ главный вопросъ, поставленный бывшему предсѣдателю С. С. Р. Д. итальянскимъ полномочнымъ делегатомъ въ Парижѣ, маркизомъ Salvago Raggi, а также маркизомъ della Torretta (тогда делегатомъ-совѣтникомъ) — еще въ мартѣ 1919 года. Скоро послѣ того, изъ англійскихъ источниковъ стало извѣстно, что англійскія войска предположено замѣнить въ Закавказьи итальянскими. Въ концѣ апрѣля выѣхала въ Тифлисъ итальянская миссія, изъ военныхъ и не военныхъ, предводимая полковникомъ Габба. По этому поводу маркизъ дельла Торетта объяснялъ грузинскимъ делегатамъ (2 мая), что миссія отправляется для ознакомленія съ ресурсами страны и въ видахъ установленія промышленныхъ и вообще экономическихъ связей. «Возможно — прибавлялъ онъ — что англійскія войска будутъ выведены изъ Грузіи и замѣнены итальянскими: въ этомъ случаѣ итальянцы, конечно, не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Грузіи, и само ихъ присутствіе тамъ будетъ обставлено тѣми-же условіями, какъ пребываніе англичанъ. Признанію-же независимости Грузіи на конференціи, Италія всемирно будетъ содѣйствовать». Это официальное заявленіе подтвердило свѣдѣнія, полученныя нами раньше.

10-го мая, предсѣдатель правительства Грузіи (Жорданія) получилъ отъ генерала Томсона (начальника британскихъ войскъ въ Закавказьи) увѣдомленіе о предстоящемъ уходѣ *этихъ войскъ и о замѣнѣ ихъ итальянскими*. О томъ же было объявлено въ Баку.*)

*) Какъ мнѣ говорили тогда въ американской делегации, на конференціи эта замѣна однихъ другими была условлена соглашеніемъ однихъ лишь Англии съ Италіей.

Дѣло принимало нешуточный оборотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время «деникинская угроза» становилась все болѣе острой.

Уже въ началѣ іюня, полковникъ Габба былъ вызванъ въ Парижъ изъ Тифлиса. Итальянскому правительству приходилось серьезно рѣшать весьма отвѣтственный вопросъ: посылать или не посылать свои войска въ Закавказье? А это было равнозначуще вопросу объ *итальянскомъ мандатѣ* — въ частности, въ Грузіи.

Идейное его обоснованіе было бы дѣломъ несложнымъ. Помочь молодымъ націямъ, ставшимъ самостоятельными, укрѣпить эту самостоятельность — не отвѣчало-ли благороднѣйшимъ традиціямъ объединенной Италіи, завѣтамъ Гарибальди и т. д.?

Ни съ грузинской, ни съ итальянской стороны не было недостатка въ заявленіяхъ этого рода. Матеріальная подкладка тоже была ясна: Италія получала доступъ къ нужному ей сырью и топливу, и расходы ея по экспедиціи обезпечивались-бы концессіями вполнѣ.

Однако надлежало принимать въ расчетъ, казавшееся близкимъ, возстановленіе Россіи. Хронологически «быть или не быть» итальянскаго мандата совпадало какъ разъ съ выясненіемъ политики Конференціи въ русскомъ вопросѣ (условія признанія правительства Колчака) и съ конфликтомъ между Добровольческой арміею и Кавказскими республиками.

Программа конференціи въ русскомъ вопросѣ, въ сущности, не исключала ни посылки итальянскихъ войскъ (взамѣнъ англійскихъ) въ Грузію и Азербайджанъ, ни даже итальянскаго «мандата». Но «тактическая» возможность столкновенія на этой почвѣ съ Добровольческою арміею, все-же оставалась. Вопросъ, значить, сводился — какъ всегда въ такихъ случаяхъ — къ оцѣнкѣ рисковъ.

Сторонники итальянскаго мандата находили, что одного присутствія союзныхъ войскъ было-бы достаточно, чтобы обезпечить Грузію и Азербайджанъ отъ всякихъ посягательствъ извнѣ и связывали большія надежды съ посылкой итальянцевъ въ Закавказье, оккупация котораго была бы временною — впродъ до общаго «замиренія» и до организациіи мѣстныхъ силъ. Излагая съ большой послѣдовательностью эту точку зрѣнія, хорошо освѣдомленный публицистъ Д. Андріулли писалъ въ «Corriere della Sera» — что единственное, чѣмъ Италія

не может и не должна быть на Кавказъ — это жандармомъ въ пользу гипотетической русской « федерации » адмирала Колчака.

Скептики-же находили, что Италія недостаточно богата капиталами, чтобы браться за развитіе производительныхъ силъ, хотя бы одной Грузіи и, что осуществленіе здѣсь мандата приведетъ къ столкновенію съ русскимъ имперіализмомъ и т. д.

Этотъ взглядъ былъ выраженъ выпукло г. Энрико Целли въ миланскомъ «Secolo».

Какъ извѣстно, вопросъ объ итальянскомъ мандатѣ былъ разрѣшенъ правительствомъ Нитти отрицательно.*) Здѣсь сыграла роль преувеличенная оцѣнка «бѣлогвардейскихъ» движеній въ Россіи, но большое значеніе имѣло и весьма сильная въ это время въ Италіи тяга къ скорѣйшей демобилизаціи. Вообще Италія 1919-20 г.г. была въ состояніи слишкомъ дрябломъ и расшатанномъ, чтобы «рискнуть» на мандатъ въ Грузіи. Возможно, что Италія Муссолини — рискнула-бы.

Прибытіе итальянской миссіи въ Грузію въ 1919 г. и пребываніе ея тамъ, имѣло, однако, нѣкоторое значеніе и въ дѣловомъ отношеніи — итальянцы первые послѣ войны устроили пароходное сообщеніе съ Европою, открыли банкъ, дѣятельно торговали и пр. — и въ политическомъ. Въ дѣлѣ признанія грузинской республики державами Европы, сочувствіе Италіи оказалось, конечно, полезнымъ, и оно было подготовлено исподволь въ 1919 году.

*) Итальянская военная миссія въ Тифлисѣ опубликовала официальное сообщеніе о неприбытіи итальянскихъ войскъ 5 августа 1919 г. — Въ своей извѣстной книгѣ Eugora senza расе самъ Нитти ставитъ именно себѣ въ заслугу рѣшеніе отказаться отъ экспедиціи въ Грузію, принятое имъ, какъ только онъ сталъ во главѣ итальянскаго правительства (въ іюнѣ 1919 г.). Въ этотъ моментъ уже готовъ былъ, по его словамъ, къ отправленію цѣлый корпусъ (12-й), въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и альпійскихъ частей. Отказомъ отъ этой экспедиціи Нитти навлекъ-де на себя много вражды, но зато спасъ Италію отъ ужасной авантюры и отъ неминуемаго столкновенія съ московскимъ правительствомъ. Гдѣ собственно и какъ произошло-бы это столкновеніе съ совѣтскими войсками — лѣтомъ 1919 г. — Нитти не объясняетъ. Это и не существенно для его тезы. Есть въ его версіи и другія несообразности. См. L'Europe sans paix. Стр. 186-188.

ГЛАВА XXVII.

АМЕРИКАНСКІЙ МИРАЖЪ.

70.

Совершенно особое значеніе имѣлъ для Грузіи вопросъ объ американскомъ мандатѣ въ Арменіи. Въ пользу этого предпріятія велась огромная пропаганда; осуществленіе его казалось одно время неизбежнымъ; надлежало поэтому и намъ озаботиться выясненіемъ возможнаго отношенія американцевъ къ Грузіи и вообще къ кавказскимъ республикамъ. Въ бесѣдахъ съ экспертами американской делегаціи (май-іюнь 1919 г.), вопросъ этотъ обсуждался мною довольно подробно.

Путь въ Арменію, куда теперь направилось не мало американцевъ, лежалъ черезъ Грузію; въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ С. Штаты имѣли консульскихъ представителей; благодаря этимъ агентамъ, а также дѣятелямъ филантропическихъ организацій, американская делегація въ Парижѣ была хорошо освѣдомлена о всемъ, что происходило въ Закавказьи.

Американцы быстро оцѣнили связь вопроса о независимости Грузіи съ осуществленіемъ американскаго мандата въ Арменіи.

«Итакъ, вы желаете полной независимости, сказалъ мнѣ какъ то одинъ изъ американскихъ экспертовъ: «а вотъ, вашъ министръ финансовъ прямо заявилъ нашимъ, въ Тифлисѣ, что безъ посторонней помощи вамъ не обойтись... Неужели признаніе вашей независимости можетъ дать вамъ средства, которыхъ у васъ нѣтъ?»

«Да, намъ нужна помощь въ финансовой и другихъ отрасляхъ. Признаніе независимости не дастъ намъ, конечно, сразу богатства; но если, одновременно, Грузіи будетъ обеспечена дѣйствительная помощь, возможно будетъ дать толчекъ разработкѣ природныхъ богатствъ. А это дастъ затѣмъ и средства.

Въ какую форму эта помощь отоляется — вопросъ другой» — «Мандатъ, что ли? Вѣдь вы не противъ извѣстнаго контроля?» «Нѣтъ! такой мандатъ — какъ на примѣръ: срочное полномочіе оказать намъ содѣйствіе въ организаціи финансовъ — вполне совмѣстимъ съ независимостью».

Особенно, конечно, касались необходимости поддержать Грузію политически, какъ одного изъ условій успѣшности работы Америки въ Арменіи.

Въ заключеніе этихъ разговоровъ, пришли къ такому выводу: *въ случаѣ, если* положеніе о Лигѣ Націй получить ратификацію Соединенныхъ Штатовъ С. А*) *и если* Америка приметъ на себя мандатъ въ Арменіи — то не исключается возможность взятія на себя Соединенными Штатами извѣстныхъ обязательствъ и въ Грузіи.

Послѣ такой подготовки состоялось свиданіе грузинскихъ делегатовъ съ полковникомъ House (11 іюня 1919 года), и хотя отъ главной темы мы вынуждены были тогда отвлечься въ сторону «тактической» угрозы — деникинскаго «нашествія» (см. выше стр. 199), все-же вопросъ объ американскомъ мандатѣ былъ поднятъ въ этомъ свиданіи съ главнымъ соратникомъ президента Вильсона**)

Вопросъ ставился условно: «разъ Америка займется Арменіей, пусть за-одно поможетъ и Грузіи». Дальше этого мы, очевидно, не могли идти. Но сдѣлать этотъ шагъ было необходимо: приходилось считаться съ возможнымъ выступленіемъ С. Штатовъ на Востокъ въ роли насадителя мира и порядка, для воспитанія народовъ въ духѣ свободы и дѣловитости.

Осуществившись американскій мандатъ въ Арменіи, Грузія, по необходимости, въ качествѣ главнаго пути, ведущаго въ Арменію, сдѣлалась-бы также предметомъ вниманія С. Шта-

*) Версальскій договоръ 28 іюня 1919 года, органической частью котораго являлось Положеніе о Лигѣ Націй, внесенъ былъ на разсмотрѣніе Сената С. Ш. 10 іюля 1919. Всѣмъ памятна историческая борьба за принятіе или отверженіе трактата, развернувшаяся тогда въ Америкѣ и разбившая, вмѣстѣ съ жизнью президента Вильсона, столько надеждъ въ Европѣ и Азій. Окончательно Версальскій договоръ былъ отвергнутъ Сенатомъ 20 марта 1920 г.

**) Незадолго передъ тѣмъ (28-го мая) делегаты Азербайджана и Горской республики были приняты президентомъ Вильсономъ.

товъ*). Облегчилось-бы международное признаніе ея независимости, упрочилось-бы вообще ея положеніе и она могла-бы перейти отъ чрезмѣрнаго политическаго броженія къ болѣе плодотворной экономической работѣ (это можно сказать о всѣхъ странахъ, которыя-бы вошли въ этомъ случаѣ въ сферу вліянія американской предприимчивости). Созданіе независимой отъ Турціи армянской полосы въ Восточной Анатолиіи влекло-бы за собою прекращеніе непосредственнаго сосѣдства Грузіи съ Турціей и давало бы первой возможность болѣе прочно связать свои мусульманскія провинціи съ христіанскими. Съ постепеннымъ-же замиреніемъ «двуединой» Арменіи, можно было ожидать возвращенія обратно во-свои армянскихъ бѣженцевъ, въ большомъ количествѣ находившихъ убѣжище въ Грузіи и грозившихъ искусственно увеличить и безъ того весьма многочисленные ряды армянскаго меньшинства въ Грузіи и т. д.

Къ сожалѣнію идея армянскаго мандата въ Арменіи встрѣтила многочисленныя помѣхи. Правда, Арменія получила помощь филантропическаго характера въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Верховнымъ совѣтомъ державъ былъ отправленъ въ качествѣ особаго комиссара (съ очень широкими и неопредѣленными полномочіями) американскій полковникъ Хаскель, который оказывалъ, именемъ союзниковъ, особое официальное содѣйствіе всѣмъ лицамъ и организаціямъ, работавшимъ въ Арменіи. Главнымъ образомъ ему, кажется, пришлось быть высокопоставленнымъ «толкачемъ» вагоновъ съ мукою, сгущеннымъ молокомъ и другимъ добромъ, отправляемымъ изъ Батума въ Арменію.

«Сгущенное молоко вмѣсто... мандата» — такъ, кажется, можно выразить вкратцѣ результатъ американскихъ замысловъ и связанныхъ съ ними надеждъ въ области армянскаго вопроса!**)

Упомяну здѣсь-же, что единственная официальная бумага, полученная въ 1919 году грузинскою делегаціею отъ Верховнаго совѣта парижской конференціи, за подписью Клемансо,

*) При этомъ, американская помощь Грузіи мыслилась исключительно въ видѣ дипломатической поддержки и финансоваго содѣйствія. Для обезпеченія порядка въ Грузіи ничьей помощи, конечно, не требовалось. Въ совершенно другихъ краскахъ рисовался американскій мандатъ въ Арменіи.

**) Конечно, незабываемой заслугой американцевъ является призрѣніе и воспитаніе десятковъ тысячъ армянскихъ сиротъ.

касалась именно вопроса о транзитѣ грузовъ черезъ Грузію въ Арменію, и вызвана она была жалобами на помѣхи, якобы чинимыя этому транзиту.

Въ ноябрѣ 1919 года, полковникъ Хаскель пріѣзжалъ на время изъ Тифлиса въ Парижъ, для «доклада конференціи» о закавказскихъ дѣлахъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя заявленія этого комиссара, слышанныя отъ него (5 ноября). Злободневными онъ признавалъ въ это время вопросы объ экономическихъ затрудненіяхъ Закавказья, о «деникинской» опасности, о возстаніи въ Дагестанѣ. «Необходимо, прежде всего, оживить торговые сношенія: для этого надо организовать подвозъ сырья къ портамъ и т. д. Условія политическія въ Грузіи хороши. Большевизма нѣтъ. Порядокъ поддерживается. У меня съ грузинскимъ правительствомъ самыя лучшія отношенія. Нѣкоторые американскіе миссіонеры любятъ говорить объ однихъ армянахъ... мы-же, члены военныхъ миссій, относимся съ равной симпатіей ко всѣмъ народамъ Закавказья.

... Я убѣдился въ томъ, что Грузія дѣйствительно желаетъ быть независимою. Но она не противъ того, чтобы имѣть помощь какого-либо хорошаго правительства — напр. англійскаго или американскаго. Лѣтъ черезъ 25-30, Грузія, конечно, можетъ установить какую-нибудь связь съ Россіей.

... Возьметъ-ли Америка на себя мандатъ или нѣтъ, этого я не знаю: это дѣло дипломатовъ. Моя обязанность — разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, помощь народамъ Кавказа».

71.

Въ виду приближенія времени, когда С. Штаты должны были, наконецъ, рѣшить столь отвѣтственный вопросъ о мандатѣ въ Арменіи, президентъ Вильсонъ рѣшилъ снарядить специальную экспедицію для «осмотра на мѣстѣ» Арменіи и прилегающихъ странъ и для составленія отчета о «политическихъ, военныхъ, географическихъ, административныхъ, экономическихъ и другихъ соображеніяхъ, связанныхъ съ возможными американскими интересами и отвѣтственностью въ этой странѣ» (термины президентской инструкціи).

Во главѣ экспедиціи (изъ 14 однихъ старшихъ чиновъ) специалистовъ по разнымъ отраслямъ администраціи и экономики, былъ поставленъ генералъ Джемсъ Г. Харбордъ (б. на-

чальникъ штаба генерала Першинга). Съ быстротою и стремительностью, которая должны были поражать страны «соннаго, дряхлаго Востока», миссія эта пересѣкла Анатолію отъ Константинополя до Аданы, посѣтила Киликію, сѣверную Сирію, а затѣмъ, на автомобиляхъ, проѣхала черезъ Діарбекиръ, Харпутъ, Сивасъ, Эрзинджанъ, Эрзерумъ и Карсъ — въ Эривань, посѣтила Тифлисъ, Баку и Батумъ. Сверхъ этого главнаго маршрута были и дополнительные. Вездѣ опрашивались правительства, группы, организациі всѣхъ попутныхъ народовъ и государствъ. 30 дней длился этотъ необычайный осмотръ отсталыхъ странъ, дождавшихся мецената-мандатарія. Плодомъ удивительной экскурсіи явился отчетъ генерала Харборда, составленный имъ на обратномъ пути въ Америку, на борту корабля «Марта Вашингтонъ» и подписанный 16 октября 1919 г.

Мы не встрѣтились съ генераломъ Харбордомъ въ Парижѣ (передъ его выѣздомъ) по совершенно случайнымъ причинамъ; но члены его миссіи заходили къ намъ за справками. Въ Тифлисѣ эти американцы были приняты подобающимъ образомъ, и о мастерствѣ грузинъ по части торжественныхъ банкетовъ и застольнаго пѣнія генералъ Харбордъ особо упоминалъ позже въ американской печати. Онъ-же осыпалъ самыми лестными комплиментами специально къ нему приставленнаго грузинскимъ правительствомъ чичероне — Д. Гамбашидзе.

... Но конечно, важнѣе всего этого упомянутый уже выше отчетъ и его выводы.*) Отчетъ представляетъ значительный интересъ. Въ немъ много явныхъ ошибокъ и недоразумѣній,

*) Основной отчетъ ген. Харборда, подъ заглавіемъ: «Условія Ближняго Востока» (*Conditions in the Near East. Report of the American Military Mission to Armenia. by Maj. Gen. James G. Harbord. U. S. Army.*) былъ опубликованъ въ качествѣ документа Сенатомъ С. Ш. въ 1920 г., въ Вашингтонѣ. Остались, если не ошибаюсь, до сихъ поръ неопубликованными 11 приложений, составленныхъ отдѣльными специалистами и тракующихъ: 1) политическіе факторы и проблемы, 2) правительства въ Турціи и въ Закавказьи, 3) Государственные и частные финансы въ Турціи и въ Закавказьи, 4) Торговля и промышленность тамъ-же, 5) Общественное здравіе и санитарія, 6) Населеніе; промысловыя и другія качества; образъ жизни. 7) Климатъ, природныя богатства, животноводство, земледѣліе; 8) Географія, горное дѣло и границы; 9) Печать въ Турціи и Закавказьи; 10) военная задача мандатарія; 11) транспортъ и сообщенія въ Малой Азіи и въ Закавказьи. 12-ое приложение — библіографія.

но, въ общемъ, это довольно безпристрастная оцѣнка сынами могущественной, богатой, образованной, дѣльной и дѣлеческой Республики — ряда бѣдныхъ, отсталыхъ, разоренныхъ войной, переворотами и дурнымъ управленіемъ странъ.

Американская миссія встрѣтилась въ Сивасѣ съ Мустафой-Кемалемъ и другими дѣятелями турецкаго національнаго движенія, которое тогда — въ сентябрѣ 1919 года — только начиналось. О Мустафѣ-Кемалѣ мало кто зналъ въ Европѣ. Эта встрѣча имѣла большое значеніе для формировація заключеній ген. Харборда.

... Однако, я вынужденъ ограничиться лишь главными выводами американцевъ, относящимися къ нашимъ республикамъ. Правительства всѣхъ трехъ республикъ разсматриваются какъ совершенно неудовлетворительныя — съ западной точки зрѣнія. Въ частности, въ Грузіи отмѣчается «вліяніе большевизма» — «красное знамя революціи, развѣвающееся надъ національнымъ»; конфискація земель у собственниковъ безъ вознагражденія — и продажа ея за деньги крестьянамъ. Азербайджану недостаетъ образованныхъ людей для управленія, Армения — въ развалинахъ.

Впрочемъ оцѣнки эти, надо сказать, довольно условны, и черныя краски здѣсь сгущены больше, чѣмъ въ извѣстныхъ мнѣ, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ сужденіяхъ другихъ иностранцевъ въ 1918-21 г.г.

Политическое направленіе трехъ странъ опредѣляется такъ: Грузія настаиваетъ на самостоятельности; русская Армения, вѣроятно, голосовала-бы за мандатъ Россіи*); Азербайджанъ влечется къ Турціи и недовѣряетъ христіанамъ — но образованная часть понимаетъ необходимость внѣшняго его контроля и т. д.

Словомъ, всѣмъ нуженъ мандатарій, но необходимо, чтобы это былъ одинъ мандатъ для всего Закавказья.

По главному-же вопросу — о турецкой Армении — выводы генерала Харборда чрезвычайно мрачны. Можно иногда подумать, что его специально послали съ цѣлью опороченія

*) Харбордъ забываетъ прибавить, что если бы Россія (какъ онъ ее понимаетъ) существовала въ 1919 г., ему самому не пришлось-бы увидѣть Армению.

мандата въ Армении. Онъ утверждаетъ (хоть это и не ново) — что въ проектированной Армении турки были въ большинствѣ еще до насильственныхъ выселеній, и останутся въ большинствѣ, если даже вернуть обратно всѣхъ бѣженцевъ. Армянинъ не умѣетъ ладить съ сосѣдями. Харбордъ превозноситъ хорошія качества армянъ; но прибавляетъ, что напр. американскіе миссіонеры предпочитаютъ турокъ армянамъ.

Главный-же выводъ генерала Харборда заключается въ томъ, что достигнуть положительныхъ результатовъ на Ближнемъ Востокѣ можно лишь, объединивъ въ рукахъ одной державы мандатъ, объемлющій все Закавказье, всю турецкую Армению, вообще Малую Азію, Константинополь и Румелию — словомъ, всю Турцію и Закавказье!

Этотъ планъ вполне отвѣчалъ нашей идеѣ («если Армения, то и Грузія»); но онъ доводилъ идею «сопутствующихъ» мандатовъ до крайнихъ предѣловъ... почти до абсурда (съ точки зрѣнія установившихся взглядовъ на интересы великихъ державъ на Востокѣ).

Самый планъ осуществленія мандата изложенъ у ген. Харборда довольно интересно. Заканчиваетъ же онъ представленіемъ доводовъ за принятіе С. Штатами мандата (14 пунктовъ) и противъ его принятія (13 пунктовъ).

Чрезвычайно широкая постановка вопроса обрекала вопросъ объ армянскомъ мандатѣ на провалъ; да и въ С. Штатахъ уже давно обнаруживалось настроеніе враждебное планамъ и затѣямъ президента Вильсона. Это было чрезвычайно печально — и для Армении, и для ея сосѣдей. Дѣло было испорчено съ самаго начала — ни съ чѣмъ не сообразной схемой Армении, включающей Эриванскую республику, цѣлыхъ семь турецкихъ вилайетовъ и Киликію. Разъ исходитъ отсюда — то неизбѣженъ былъ выводъ ген. Харборда о включеніи въ мандатъ за-одно *всей* Турціи. Но вѣдь можно было исходить (и слѣдовало) изъ болѣе скромной программы — Эриванская Армения и части смежныхъ вилайетовъ!

... Впрочемъ, заключенія генерала Харборда держались пока въ секретѣ. Вопросъ о мандатѣ ставился теперь въ прямую зависимость отъ болѣе общихъ вопросовъ — о ратификаціи Америкой Версальскаго мира, о принятіи ею «Лиги Націй». Путь обѣщалъ быть долгимъ.

Но еще 20 ноября 1919 года, незадолго до отбытія амери-

канской делегации изъ Парижа*), одинъ изъ чиновъ ея увѣрялъ меня, что отзывы ген. Харборда о Грузіи самые благопріятные, что *если* С. Штаты возьмутъ мандатъ въ Арменіи, они займутся и Закавказьемъ и т. д.

Незадолго передъ тѣмъ, буквально то-же самое говорилъ мнѣ предсѣдатель армянской делегации Агаронянъ. «Главное, по его мнѣнію, — установить поскорѣе контроль армянскаго правительства, хотя-бы надъ Ваномъ и Алашкертскою долиною — дабы положить основаніе объединенной Арменіи. Наша миссія, отправленная въ Америку была принята комитетомъ Сената С. Ш. въ самый день прибытія ея въ Вашингтонъ. Со всѣхъ сторонъ она получила завѣренія въ томъ, что судьба Арменіи будетъ *во всякомъ случаѣ* обезпечена. Харбордъ и Хаскель высказывались въ этомъ же смыслѣ. Національное движеніе Мустафы-Кемала до извѣстной степени bluff и т. д.

Надо признаться, что самый осторожный человекъ могъ повѣрить въ дѣйствительность американскихъ завѣреній. Но удивительно-ли, что съ этимъ «мандатомъ» вышло на послѣдокъ столь прискорбное недоразумѣніе, когда «недоразумѣніемъ» оказался въ Вашингтонѣ и Версальскій договоръ, и въ частности, положеніе о Лигѣ Народовъ, и проектъ англо-американской гарантіи неприкосновенности Франціи?

А главное: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ». Солнце и не взошло.

Къ концу 1919 года вопросъ о матеріальной и политической поддержкѣ закавказскихъ республикъ путемъ *мандата* осуществляемаго какою-либо великою державою, уже утратилъ значеніе непосредственной, практической возможности: слишкомъ много препятствій мѣшало осуществленію этой мысли. Нерѣшительная политика Великобританіи и Италіи — въ виду казавшагося возможнымъ возстановленія Россіи, какъ «союзной державы», а также въ виду внутреннихъ затрудненій самихъ будущихъ «мандатаріевъ»; несогласован-

ность, разнорѣчія въ дѣйствіяхъ закавказскихъ республикъ; новизна, неожиданность вопроса, неподготовленность къ нему европейскихъ правительствъ, чрезвычайная обремененность Европы болѣе знакомыми, болѣе важными и не менѣе затруднительными задачами; наконецъ, длительная «канитель» съ американскимъ мандатомъ, все тормозившая и ничего не дававшая — вотъ причины, дѣлавшія невозможнымъ въ 1919 г. международное разрѣшеніе закавказскихъ вопросовъ.

*) Незамѣтное, будничное отбытіе! Что осталось отъ неописуемыхъ, всенародныхъ триумфовъ президента Вильсона конца 1918-начала 1919 г. г., въ Парижѣ, Лондонѣ и пр., которыхъ и я, съ милліонами современниковъ, былъ свидѣтелемъ!